

ВТОРАЯ СМЕРТЬ ЛЕНИНА: ФУНКЦИИ ПЛАЧА В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ КУЛЬТА ЛЕНИНА К КУЛЬТУ СТАЛИНА

Урсула Юстус

Когда 21 января 1924 года умер Владимир Ильич Ленин, никто не мог предположить, что на самом деле он умрет только десять лет спустя, когда в песнях и плачах середины 1930-х годов Джамбула Джабаева, Сулеймана Стальского, Умара, сына Керима или Абулгасема Лахути, представителей нового советского фольклора, начался «новый траур» по давно захороненному в мавзолее телу¹.

Своими «Плачем о Ленине» или «Умер наш Ленин» они вернулись к традиционным формам похоронных причитаний. Используя формулы типа: «Гляди назад, вперед гляди — ты видишь радость впереди. А кто нас вел туда — гляди — покинул нас, товарищ»² или «Из России прибыл вестник и сказал, что умер Ленин. Будто гром раздался с неба, подкосились колени»³ — они задним числом вписали его смерть в систему социальной памяти спустя десять лет после того, как поэтическая лениниана, непосредственно возникшая после смерти Ленина, однажды уже оплакала его.

Культ бессмертного Ленина, который был создан сразу после его смерти, к концу 1920-х годов превратился в коммеморативную память. Смерть Ленина потеряла свое центральное место в поэзии — поэты больше внимания обращали на его историческую значимость и харизму вождя. Таким образом, вместе с традиционными плачами в советскую действительность сталинского времени возвращается скорбь, которая в поэтической лениниане конца 1920-х годов вовсе не занимала доминирующего места⁴. Плачи как бы возвестили о второй смерти Ленина, они больше не сосредоточивались на его бессмертии, но кодифицировали окончательное его исчезновение. Советская действительность в 1930-е годы как бы освобождается для прибытия нового создателя — Сталина.

Вместе с фольклором о Сталине, который в середине 1930-х годов занял одно из центральных мест в советской литературе, плачи о Ленине должны рассматриваться как часть ре-фольклоризации советской литературы, которая пропагандировалась советскими фольклористами как воскресение освобожденных от векового гнета литератур народов СССР⁵, что на самом деле являлось результатом государственной фольклоризации, в ходе которой были унифицированы не только теоретические концепции советской фольклористики, но и сами фольклорные тексты⁶. А такие певцы как Джамбул Джабаев или Сулейман Стальский, ставшие в первой половине 1930-х годов «лучшими певцами Сталина»⁷, были «найжены» во время экспедиций в союзные республики, предпринятых советскими фольклористами в середине 1930-х годов, и объявились в Москве⁸. Певцов и сказителей, собранных в этих экспедициях, сопровождали фольклористы или литературоведы, читавшие почти неграмотным певцам статьи из газет и журналов, официальные указы и постановления или политические сочинения, обеспечивая их идеологическим материалом, которым певцы и сказители наполняли традиционные формы и сюжеты фольклора, воспевая новую советскую действительность⁹.

Итак, в середине 1930-х годов появляется фольклор, который, с одной стороны, продолжает формы и сюжеты традиционного фольклора, а с другой, заменя-

ет его вековое содержание новым, советским. После этой ассимиляции традиционного предания даже такой жанр как плач-причитание, который до этого времени был исключен из советского фольклора как пережиток старого общественного строя, снова получает возможность войти в официальную литературу 1930-х годов¹⁰. После того, как плачи (по утверждениям советских фольклористов) потеряли свои традиционные и обрядовые связи, они более не могут рассматриваться как выражение сверхиндивидуальной поэтики¹¹, но являются выражением непосредственного траура, с помощью которого народ издавна изливал свою скорбь о покойном: «Утратив свою обрядовую основу, такие жанры, как “застольная песня”, “плач-причитание” и др., великолепно выражают по-новому, в новых условиях народные чувства радости и печали, вызываемые теми или иными событиями нашей жизни»¹². В сущности, вся советская литература может разместиться между этими двумя полюсами — застольной песни и плача-причитания.

В контексте советской фольклористики, которая считала фольклор не преданием традиционных форм и содержаний, но выражением естественного литературного ощущения «народных масс», плачи становятся документами непосредственной скорби народа, которая в момент смерти Ленина объединяет весь Советский Союз в своем горе: «Когда страшная весть о смерти Ленина потрясла всю семью советских народов, народные поэты-певцы отозвались на кончину любимого вождя множеством горестных песен и поэтических плачей»¹³.

Народные певцы, наполняя идентичность печалющегося, оплакивающего «я» историческим «я», выразили в песнях не только свои чувства, но и собственный исторический опыт¹⁴. Таким образом, советскому фольклору удалось превратить инсценированный траур в, казалось бы, истинно ощущаемые скорбь и печаль, где «я» певцов является не функцией жанра¹⁵, но доказательством действительно прочувствованного и аутентичного траура народа: «О, Сулейман, твой скорбен взгляд, и руки в горести дрожат: его уж не вернуть назад... какой холодный день сегодня»¹⁶, «А я, певец, сию один, безвестный средь гор Ахунских, на скале отведной»¹⁷, «Я не хочу молве поверить, что умер Ленин, свет погас. Повсюду слезы угнетенных вскипают в этот скорбный час»¹⁸, «Посижу я, слезы выплачу. От моих ли слез да горечи сине море переполнится»¹⁹.

Как актуализация мнимого исторического сознания, эти «плачевные» стихи переносят унифицированную национальную память в культ Ленина предыдущего десятилетия, в воображаемом синтаксисе которого его смерть становится таким всесоюзным событием, которое только подтверждается данными непосредственно после смерти Ленина телеграммами и постановлениями²⁰: «Повсюду слезы угнетенных вскипают в этот скорбный час»²¹, «Каменна Москва вся проплакала, все народ-люди ужасались. Луна небесная у нас не светила, народ-люди все призамолкнули, призамолкнули, призагунили, поодели платье черное да ходили все невеселы, буйны головы с плеч повесили, — услышали они весть нерадостну»²², «Плачьте Узбеки! Ваше солнце погасло!.. Заплакала земля! Заплакал народ! Окаменели Россия и Туркестан... И было это 21 января 1924 года...»²³, «Выше гор, шире всякого моря, тяжелее земли самой было наше народное горе, когда умер он — самый родной»²⁴.

Между тем, все это — уже конструкты 1930-х годов, поскольку в двадцатые годы ситуация была совсем иной. На фоне тогдашних политических и общественных обстоятельств, в не-русских республиках и краях смерть Ленина вряд ли воспринималась как такое выдающееся событие, каким она представлена в середине 1930-х годов²⁵. Эгон Эрвин Киш, который в 1932 году путешествовал несколько месяцев по среднеазиатским республикам, рассказывает, что на стороне басмачей стояла огромная часть крестьянства этих республик, которая боролась против новой, советской власти²⁶. И на Кавказе, например, крестьянство боролось на стороне грузинских князей или меньшевиков против насильствен-

ной аннексии Грузии советскими войсками²⁷. В некоторых областях Памира местные советы вообще учредились лишь в 1929 году²⁸, а в Душанбе первый почтамт был открыт только в 1925 году, через год после смерти Ленина²⁹. Как пишет Киш, вице-президент таджикской республики, Яхназар Турдияр, крестьянин из деревни Джалдиркапе, только в 1920 году впервые услышал о Ленине и революции³⁰.

Песни, опубликованные в антологиях, исполнялись не только женщинами, но и мужчинами, что свидетельствует о разрыве не только с традициями русских фольклорных плачей, но и кавказских культур, согласно которым оплакивают покойников исключительно женщины, в то время как мужчины их чувствуют³¹. Объявив плачи поэтическим творчеством индивидуальных певцов³², советские фольклористы вывели эти тексты за пределы собственно фольклора, превратив их в поэтические сочинения, которые могли быть возвращены в сферу фольклора только в середине 1930-х годов, когда была фактически упразднена граница между индивидуальным поэтическим и фольклорным творчеством³³.

Уже сама практика записи убеждает, что песни не являлись аутентичными плачами, но были сочиненными документами. Кроме того, их принадлежность к культуре 1930-х годов доказывается языком и стилем. Несмотря на различные национальные и местные традиции, плачи 1930-х годов вполне соответствовали новой языковой норме, начавшей насаждаться Горьким в 1934 году. Согласно новому языковому стандарту, тексты новой советской литературы должны быть ясными, простыми и понятными, должны совпадать с авторитетными денотатами, которые официально предписывал идеологический дискурс³⁴. Следуя установке Горького, фольклористы устранили почти все диалектные и местные языковые признаки из плачей и уравнивали их в правах с языковой системой, равным образом предписанной для всех видов литературы.

Унифицированные таким образом плачи демонстрируют то же наслоение традиционных и пропагандистских языков, которые Франк Миллер обнаруживает во всех видах советского фольклора³⁵. Традиционные элементы оформления плачей, как например, перенос ударения, атрибутивное употребление коротких форм прилагательных или употребление архаизмов и диалектизмов служат лишь инсценировке «народности», в которой песни ассимилируются в советской литературе, являющейся, согласно определению Сталина, «национальной по форме и социалистической по содержанию»³⁶.

Плачи, как утверждали советские фольклористы, не происходят из коммуникативной памяти певцов³⁷, но оказываются продуктами официальной ре-фольклоризации литературы. Это доказывается не только тем, что плачи, которые в середине 1930-х годов стали одним из центральных жанров фольклорной ленинианы, совершенно отсутствовали в лениниане³⁸, опубликованной сразу после смерти Ленина. То, что они не являлись документами естественного и стихийного горя, но позднейшими артефактами искусственного траура, можно увидеть и в том, что в песнях, хотя они и не датированы, остались следы дополнительной переработки. Поэтому вопреки всем попыткам фольклористики перенести песни назад, в память 1920-х годов³⁹, невозможно скрыть тот факт, что они были созданы лишь спустя десять лет после смерти Ленина. Таковыми являются, разумеется, все попытки фольклористов «сдвинуть» происхождение плачей в мнимую память 1920-х годов с помощью манипуляций: следует помнить, что до середины 1930-х годов Советский Союз еще не был превращен в ту единую «медиаальную деревню», в которой весть о смерти Ленина могла бы стать тем непосредственным событием, о котором непрестанно поют певцы. Пассажи типа: «Я в тот момент пил чай»⁴⁰, «Говорят, что умер Ленин, наш защитник ясноокий»⁴¹ или «Великий Ленин, наш отец, ушел, покинув мир сегодня»⁴², превращают весть о смерти Ленина в непосредственную причину плачей⁴³. Хотя фольклористы и

пытались скрыть «опоздание» песен тем, что они — следуя традиции фольклорной текстовой практики — называли время и место их записей, а не их происхождения, ответственность песен проявляется неожиданно, когда, например, весть о смерти Ленина звучит в таких строках: «Слышим радио мы стоны, телефонов слышим звоны..., может радио не право — жив наш Ленин, наша слава»⁴⁴. В песнях говорится о средствах массовой информации, которых в первой половине двадцатых годов еще просто не существовало. Это лишний раз доказывает, что кажущаяся непосредственной связь между вестью о кончине Ленина и происхождением плачей — снова и снова подтвержденная певцами в таких формулах, как «выплакать горе в песне только хотел бы я»⁴⁵ или «вестник прибыл из Москвы: Ленин умер... Молния ударила в меня, пронизала с головы до ног»⁴⁶, — лишь фикция, лишь стратегия, с помощью которой плачи «переносятся» в воображаемую память 1920-х годов.

Искусственное происхождение текстов проявляется не только в анахронической инсценировке непосредственной связи между смертью Ленина и плачами. В самом переводе образов, допустимых для оплакивания Ленина, из официальных текстов в память певцов переводятся наслоения традиционно фольклорных и пропагандистских мотивов. Этим лишний раз подчеркивается, что плачи вытекают не из индивидуальной памяти певцов, а из официального коллективного «воспоминания». Несмотря на то, что певцы с помощью традиционных формул — «как у нас было в каменной Москве»⁴⁷ или «от гор бирюзовых, от желтых степей, пришел я, как странник, к тебе в мавзолей»⁴⁸ — снова и снова утверждают верность своих воспоминаний, плачи являются чистым фантазированием, когда, к примеру, гранитный мавзолей представлен как «стеклянный дом, далекий от гор и от садов»⁴⁹. В некоторых плачах певцы превращают мавзолей даже в традиционное погребальное место, употребляя такие выражения, как «тихая гробница, где погребен человек»⁵⁰, «гробница та» или «в гробу своем красном»⁵¹. В плаче 1937 года Марфы Крюковой сохраненное в мавзолее тело Ленина лежит, одетое «во тужурочку, во военную (sic!)»⁵², чем фактически снимается различие между внешним обликом вождей⁵³.

Указывая на то, что воспоминания о смерти Ленина и о сохраненном его теле существуют только как фрагменты официальной пропаганды в памяти певцов, наслоения разных уровней памяти демонстрируют, что свидетельства певцов — не более чем литературный прием⁵⁴, с помощью которого плачи, сочиненные с опозданием на десять лет, конституируются как выражение стихийной и непосредственной печали народа⁵⁵. Таким образом, «естественное» переживание певцов служит только канонизации жанра.

Искусственный характер плачей проявляется в том, что в их основе лежит историческая память, которая была создана значительно позже, лишь в начале 1930-х годов, когда началась канонизация официального дискурса советской историографии, в котором весь исторический дискурс сосредоточивается на Сталине и его роли в советской истории. Таджикские, узбекские, грузинские или казахские певцы и сказители — если бы плачи происходили из их собственных воспоминаний — должны были бы вспомнить, к примеру, о борьбе за национальный суверенитет, которая была подавлена советской властью, или о вооруженных восстаниях крестьян и басмачей, которые сделали возможным окончательное утверждение советского строя в различных регионах страны только к концу 1920-х годов⁵⁶. Ничего этого прихотливая «память» певцов не сохранила, зато выписанная в плачах символическая свобода народов СССР, рожденная с победой Ленина в октябре 1917 года, обнаруживает, что песни принадлежат к историческому времени, в котором коллективная память певцов была уже полностью подчинена такой исторической картине, в которой революция навсегда стала началом дружбы народов, освобожденных от гнета царского самодержавия⁵⁷.

Несомненная искусственность текстов доказывается тем, что историческая память певцов состоит из тех же «воспоминаний», которые в середине 1930-х годов стали единственно возможными воспоминаниями для всех жителей Советской страны. С отождествлением коллективной памяти певцов и официального исторического дискурса происходит такое остранение исторической действительности, вследствие которого и певцы из далеких областей Узбекистана или Казахстана становятся аутентичными свидетелями смерти Ленина. Поэтому плачи, нешиющиеся со всех концов Советского Союза, должны рассматриваться не как часть поэтической ленинианы 1920-х годов, но как один из основных элементов доктринерского дискурса сталинского времени, который контролирует не только тексты, но и индивидуумов, принимающих в нем участие. Принадлежность плачей к историческому дискурсу 1930-х годов доказывается, наконец, тем, что песни, которые говорят о преемнике Ленина, называют Сталина его наследником. В результате фикция преемственности отодвигается в мнимое знание 1920-х годов, которого в 1924 году вообще не существовало⁵⁸.

Поскольку песни, вопреки утверждениям советских фольклористов, являлись не выражением всеобщей скорби всех советских народов, но продуктом официального идеологического производства и литературной политики, их появление на свет в середине 1930-х годов обусловлено вовсе не тем, что они лишь недавно были собраны и опубликованы⁵⁹, но прежде всего тем, что они имели важнейшее значение для происходившего в начале 1930-х годов перехода от культа Ленина к культу Сталина. Еще в публикациях по случаю годовщины смерти Ленина 21 января 1932 года Ленин находился в центре внимания пропаганды, обслуживавшей первую пятилетку, выполнение которой было объявлено выполнением «ленинского плана построения социализма». Деконструкция культа Ленина начинается через год, когда на первой странице «Известий» 21 января 1933 года не Ленин, а Сталин прославляется как творец первой пятилетки, а в «Правде» в этот же день, кроме повторения траурной речи Сталина 1924 года, публикуется фотография Ленина в Горках, где он показан старым больным человеком в кресле на роликах⁶⁰. С этого времени образ Ленина не только теряет святость, придававшую ему песнями и поэмами 1920-х годов, но и то космическое всемогущество, которое приписывалось ему в 1920-е годы.

Таким образом, плачи напоминают о смерти Ленина именно тогда, когда культ Ленина все больше уступает культу Сталина. Их появлением отмечен конец трансформационного процесса, начавшегося со строительством гранитного мавзолея весной 1929 года и достигшего кульминации во время второго оплакивания его смерти в середине 1930-х годов. Так произошел переход от культа живого Ленина к культу мертвого вождя⁶¹.

С появлением плачей происходит и процесс замены мифа о бессмертии Ленина, который конституировал до сих пор существовавший культ Ленина, на оплакивание его смерти, которое, хотя и знает метафоры воскресения, не может воскресить его из мертвых⁶². Тексты 1920-х годов основывались на магических формулах: «Ленин всегда с нами, Ленин всегда жив»⁶³, «Он не умер, он не умер, он с нами»⁶⁴ или «но пошли с похоронным стоном, и от стонов кривился рот. Но читал я на красных знаменах, что Ильич никогда не умрет»⁶⁵; здесь содержалась попытка воспрепятствовать его душе окончательно покинуть мир живых с тем, чтобы остаться в трансценденции советской действительности⁶⁶. В противоположность этому, плачи 1930-х годов уже не допускали никакого сомнения в том, что душа Ленина не пребывает больше в мире живых, но существует отдельно от них: «Мы любим Ленина, как мы любим свои степи, даже больше, — мы отдали бы все свои кибитки и степи, всех верблюдов, жен и детей, чтобы вернуть его, но он в темном, страшном, неизвестном... Где нам искать его?.. Пусть порастут тугаями наши степи, и пройдут по земле десятки поколений киргизов. Но после-

дний из них, умирая, будет рад, что идет туда, куда ушел и Ленин»⁶⁷.

Переведя смерть Ленина в формулы традиционных плачей⁶⁸, сталинская идеология придала ленинскому культу новое измерение: Ленин теперь не «вечно жив», как в поэтической лениниане 1920-х годов, но окончательно мертв; мотив возвращения Ленина или его воскресения теряет всякую актуальность: «Во тужурочке во военной крепко спит да не пробудится. Как не день-то он спит, да не два, не три же он, и будить нам, не разбудить его. Ни слезами его ни горячими, ни струнами нам его золочеными, ни теми ли гуслими веселыми, ни арфами все игромыми, нам кричать и звать не созваться же»⁶⁹, «Ушел, ушел отец навеки, и стонут камни и рыдают реки»⁷⁰, «Горе нам! Ай-бой-бой! Ленин оставил нас, — ясное солнце скрылось из наших глаз. Вспыхнув, уже погасла ясная звезда, свет путеводной качнулся и навсегда погас»⁷¹, «Мы из своих степей выносим скорбный стон о том, что умер Ленин, единственный, что такого не будет»⁷².

Если раньше звучали формулы типа: «Не верим» или «Ленин жив», как бы заклиная душу Ленина оставаться в мире живых, то в плачах 1930-х годов это не больше чем отголосок традиционной поэтики, с помощью которой живые выражали последнюю надежду на возвращение покойного для того, чтобы снова и снова оплакивать его безвозвратность⁷³: «Может радио неправо — жив наш Ленин, наша слава! Но деревья приуныли, ветви низко опустили. И в лесах умолкли птицы — смерть пернатым тоже снится... Горе нам! Скончался Ленин, нашей славы светлый гений!»⁷⁴, «Зачем ты, смерть, взяла героя и отняла его у нас? Я не хочу молве поверить, что умер Ленин, свет погас»⁷⁵.

Плачи сводят смерть Ленина к таким формулам, как: «великий Ленин, наш отец, ушел, покинув мир сегодня»⁷⁶ или «ушел, ушел, создатель нашей воли»⁷⁷, естественным для значения слова «смерть», которое значит «опустеть», «исчерпать» или «изжить»⁷⁸. В результате вводится такое понимание смерти, которое не только ничего не знает о воскресении Ленина, но с самого начала исключает его⁷⁹.

Поскольку плачи, следуя традиции, не знают мотива оживления покойника⁸⁰, они отличны от архетипа православного воскресения. В данном случае они сосредоточиваются не на бессмертии Ленина, но на его отсутствии. В формулах «спи, добрый Ленин, не томись тревогой, мы победим, идя твоей дорогой» или «ты спокойно спи, дорогой Ильич», с помощью которых оплакивающие всегда ставили границу между мертвыми и живыми⁸¹, певцы 1930-х годов словно приказывают его душе остаться в мире мертвых. Они оплакивают *окончательную и безвозвратную* смерть Ленина.

Таким образом, плачи, которые, на первый взгляд, как бы продолжают траурный культ, возникший сразу после смерти Ленина, на самом деле вносят в культ Ленина 1930-х годов новый дискурсивный элемент, подготавливая приход нового вождя — Сталина⁸². Именно в то время вера в бессмертие Ленина, которая возникла в поэтической лениниане 1920-х годов, переносится в риторику традиционных плачей, когда Сталин в фольклоре 1930-х годов сам становится гениальным вождем и бессмертным богом⁸³. Совпадения здесь, конечно, нет никакого: оплакивание ленинской смерти словесными могильными причитаниями окончательно отстранило в 1930-е годы Ленина от советской действительности. Впоследствии он и годен стал только на то, чтобы быть тенью живого вождя — Сталина.

Плачи, превращающие культ Ленина 1920-х годов, направленный на утверждение вечно живого вождя, в культ его смерти, меняют и функции его тела: оно больше не является знаком его возможного воскресения, но, как пишет Борис Гройс, «als Zeichen dessen verehrt und ausgestellt, daß er endgültig verlassen, nur noch Hülle ist, und daß daher sein Geist, seine "Sache" vollkommen frei ist zur Neuinkarnation in nachrückenden sowjetischen Führern. Der Sinn des zur Schau gestellten toten Körpers, der sich nicht verändert hat und verändern kann... liegt darin zu beweisen, daß Lenin wirklich, unwiderruflich tot ist, daß er niemals auferstehen wird und daß kein Appell an ihn in irgendeinem

Sinne mehr möglich ist — es sei denn über seine Nachfolger, die jetzt auf dem Mausoleum stehen» [...знаком, свидетельствующим, что он [Ленин] окончательно утрачен, что это лишь оболочка и что, таким образом, его дух, его “Дело” совершенно свободны для реинкарнации в следующего советского вождя. Смысл выставленного напоказ мертвого тела, неизменного и не могущего измениться... заключается в том, чтобы свидетельствовать: Ленин действительно и безвозвратно мертв, он никогда не восстанет больше и никакое обращение к нему в каком бы то ни было смысле более невозможно — его превзошел его наследник, стоящий ныне на Мавзолее]⁸⁴.

Плачи не только не указывают более на бессмертие Ленина, но, скорее, свидетельствуют о его смертности. Публично выставленное тело вождя в контексте плачей превращается в символ до бесконечности продолжающегося прощания, в котором его душа окончательно изгоняется из советской действительности 1930-х годов⁸⁵. Плачи как бы взяли его труп, сохраненный в мавзолее, под арест, а постоянная процессия вдоль его гроба гарантирует надзор, что, как замечает Б. Гройс, лишь усиливает эффект отсутствия чуда: никакого чуда не происходит — труп остается трупом⁸⁶.

Поскольку вместе с плачами, снова и снова воспеваящими ленинскую кончину, новый, преображенный культ Ленина вводится в литературу 1930-х годов, задача певцов состоит уже не в том, чтобы чествовать величие Ленина в новых образах и сравнениях, но прежде всего в провозглашении его смерти путем эксплуатации «плачевых оборотов»⁸⁷. Тогда как в 1920-е годы Ленин изображался в виде космического творца нового мира, второго Мессии или мифического героя, как всеокрушающая сила, буря, пожар, молния и гром, как спаситель, вождь и неотделимая часть нового советского народного тела⁸⁸, в середине 1930-х его смерть вписывается в словесный код вековой метафоричности плача, важнейшая функция которого состоит не в мифическом возвышении Ленина, а в ритуальном оплакивании его смерти⁸⁹.

Так, например, метафорика света и солнца, в космическом величии которой Ленин сияет и в плачах тридцатых годов («Он солнцем светлым был для нас»⁹⁰, «он и в ночь нашем солнцем был»⁹¹), издавна принадлежит традиционному набору плачевых образов⁹². В этом контексте метафорика солнца и света, которая в текстах двадцатых годов еще являлась чествующей формулой, становится в 1930-е годы символом смерти Ленина («Как не стало у нас красна солнышка»⁹³, «Умер Ленин — свет погас»⁹⁴). Также и образы, которые ранее символизировали силу и мощь Ленина, который «был, как барс, могуч»⁹⁵, силен, как «могучий дуб»⁹⁶, в традиционном метафорическом составе плачей меняют коннотацию: кроме силы и мощи покойника, они всегда символизируют смерть⁹⁷. Поскольку формулы и образы, в которые песни облачают Ленина, более не являются признаками его всемогущества, но — составной частью вековой метафоричности смерти, Ленин в печальных песнях 1930-х годов и дальше оказывается не живым вождем, но мертвым, потерю которого певцы оплакивают снова и снова: «Ушел, ушел создатель нашей воли, в совете на скамью не сядет больше»⁹⁸, «О, горе! Пролили мы столько слез, что ими можно было затопить кишлак. О, горе! Заплакали степи и пески! Слезами истекло небо!»⁹⁹ или «Умер Ленин! Умер Ленин! И на землю тени пали, вся земля рыдает горько, стонет в скорби и печали»¹⁰⁰.

Фольклор переводит метафоричность плачей в новую сакральную иерархию, где образы солнца, пламени и огня используются исключительно для изображения Ленина (и позже, кроме мертвого Кирова, только для живого Сталина)¹⁰¹. Издавна употребляемые в причитаниях, эти образы и метафоры существуют лишь для напоминания о былой силе Ленина: «Ленин в народных песнях и сказаниях, особенно в поэзии советского Востока, то называется “равным облакам” (таджикская песня), то о нем говорится, что “Ленин, как снежные горы, высок”

(казахская песня), то он во множестве песен самых различных народов приравнивается к солнцу (в поэзии армянской, грузинской, туркменской, таджикской, казахской, эвенкийской, украинской, русской). Да и как не сравнивать великого вождя народов с солнцем, источником света и тепла!.. Когда страшная весть о смерти Ленина потрясла всю семью советских народов, народные поэты-певцы отозвались на кончину любимого вождя множеством горестных песен и поэтических плачей. И опять многие из народных поэтов обратились к образу Ленина-солнца. Солнце, источник света и символ вечности, снова слилось с образом народного вождя»¹⁰².

Метафорика всемогущества, возникшая в поэтической лениниане 1920-х годов, в контексте традиционных плачей возвращается в вековую «плачевную» топику, когда певцы не только почитают Ленина, но всегда также оплакивают его смерть. Переписывая панегирическую топику 1920-х годов в ритуальное оплакивание смерти Ленина, плачи тем самым представляют собой поэтическую систему, перешедшую в распоряжение Сталина¹⁰³. Благодаря тому что плачи 1930-х годов, с одной стороны, сохраняют исключительность энкомиастических формул и образов, работавших в 1920-е годы на культ Ленина, а с другой стороны, устраняют из них самого Ленина, они возвышают Сталина до хозяина *всех* образов. Он становится центральным образом советской литературы: «И всюду, через все песни проходит товарищ Сталин. От него исходит, к нему непрестанно возвращается мысль и вдохновение певца и поэта. В нем олицетворено все то новое и прекрасное, что вошло уже в жизнь народов. Ему и руководимой им партии Ленина-Сталина — вся любовь безыменных творцов этой книги (речь идет о сборнике «Творчество народов СССР». — У. Ю.), нашедших прекрасные слова, чтобы выразить всенародную любовь к большевистской партии и ее вождям»¹⁰⁴.

В плачах происходит смена мифического возвышения Ленина его оплакиванием именно тогда, когда центральной фигурой возвеличивания становится не Ленин, а Сталин. Одновременное усиление культа Ленина в первую очередь направлено на укрепление культа Сталина. Тогда как лениниана, созданная непосредственно после смерти Ленина, основывалась на уверенности в том, что сверхчеловеческое могущество Ленина преодолет самую смерть¹⁰⁵, плачи, которые спустя десять лет зазвучали во всех концах Советского Союза, превратили именно эту смерть в непосредственную легитимацию перехода власти к Сталину.

Плачи 1930-х годов не только «упразднили» смерть Ленина, но узурпировали ее как символ переноса космического всемогущества и политического авторитета Ленина на Сталина. В процессе реканонизации Ленина после завершения первой пятилетки сохранены были только те элементы, которые служили канонизации Сталина¹⁰⁶. Песни-плачи 1930-х годов вписали культ Ленина в новую систему, в которой он почитается не столько как живой лидер, сколько как отсутствующий вождь. В контексте этой перемены и ленинское тело стало знаком не бессмертия вождя, но объектом, присутствие которого всегда указывает на то, что место занято Сталиным, верным наследником Ленина.

Тогда как лениниана 1920-х заполняла вакуум власти, возникший сразу после смерти Ленина, апелляцией ко вселегитимирующим политическим символам¹⁰⁷, плачи 1930-х годов заново создают этот вакуум, когда певцы в таких строках, как «К чему нам сердце, без любви? К чему стенания мои?»¹⁰⁸ или «Я знать хочу, что стало с миром? О, если б это я узнал!»,¹⁰⁹ выражают ощущение отчаяния, которого в лениниане 1920-х годов не было¹¹⁰. Это доминирование чувства одиночества и сиротства становится своего рода мостом к легитимации Сталина. Песни-плачи разрушают изначальное единство функции исторического вождя с личностью Ленина (что беспрестанно утверждалось в первичной лениниане¹¹¹), идею, согласно которой прижизненное руководство Ленина заменяется его вечным духовным господством. На место этой фикции приходит представление об его окончатель-

ной смерти, которая оставляет народ в состоянии безутешного одиночества.

Таким образом, песни-плачи не только очищают поэтическую систему для нового восхождения Сталина, но освобождают самое место вождя, которое до того навеки принадлежало Ленину. После того как плачи середины 1930-х годов как бы исключили Ленина из его же собственного культа, место вождя как вечный пост по праву осталось за Сталиным. С одной стороны, песни закрепляли идею власти Ленина в сверхвременной идее основанного им государства; с другой, указывали на то, что место вождя оказалось вакантно и было по праву занято Сталиным. Таким образом, вторая смерть Ленина, о которой возвестили плачи в середине 1930-х годов, становится одним из основополагающих моментов нового культа Сталина. Занимая осиротевшее после Ленина место, Сталин, следуя песням, гарантирует непрерывность созданного Лениным социалистического порядка, который, хотя больше и не находится под защитой Ленина, сохраняется его верным наследником.

В первичной лениниане ощущение горечи и отчаяния постоянно усиливается апокалипсическим видением, в котором весть о смерти Ленина сопровождается громом и молнией, темнотой и бурей. Плачи же превращают эту смерть (которая не только была предсказуема, но, как показывает Ольга Великанова, и ожидаема после долгой болезни Ленина¹¹²) в смерть скоропостижную, *mois repentina*, которая в традиционных представлениях о смерти всегда угрожает существованию господствующего политического и нравственного порядка¹¹³. Возвышая Ленина до мифологического центра всего советского космоса, потеря которого угрожает самому существованию порядка и общественного строя, певцы одновременно создали мифологическую пустоту, которая позволила фольклорным авторам окончательно называть Сталина демиургом и космократором¹¹⁴. Но песни не только вписали Сталина в ленинскую мифологию спасения, провозгласив его новым вождем. Взгляд на осиротевший после смерти Ленина народ превращает Сталина в нового спасителя. Оплакивая смерть Ленина, певцы всегда скорбят о возможной потере сакрального центра бытия: «Посижу я, слезы выплачу. От них ли слез да горечи сине море переполнится, разольются реки глубокие, камни белые расколуются, чисто золото рассыплется»¹¹⁵, «Померкнул образ дорогой, и солнце меркнет над землей, и горе черною рекой на нас нахлынуло сегодня»¹¹⁶, «Холодным ветром боль вырвалась сухо: Скончался Ленин, друг великий наш. Могло ли выдержать ты, сердце, весть такую?»¹¹⁷ или «И в лесах умолкли птицы, — смерть пернатым тоже снится... Горе нам! Скончался Ленин, нашей славы светлый гений!»¹¹⁸

Поскольку в плачах смерть Ленина рассматривается как смерть всенародная¹¹⁹, культ Ленина 1930-х годов выражает экзистенциальную нужду народа в вожде, которая в 1920-х годах не занимала все-таки центрального места. Так как Сталин у певцов принимает не только политическое, но и мессианское наследие Ленина, руководство его не только не является каким-либо захватом власти, но — избавительной неизбежностью, выводящей народ из тьмы небытия, вызванной смертью Ленина.

В песнях-плачах представление о коллективном теле народа¹²⁰, превратившемся к концу 1920-х годов в новый исторический субъект¹²¹, сменяется новым пониманием народа, который нуждается в таком вожде, как Сталин, и происходит это именно тогда, когда сам Сталин провозглашается бессмертным вождем в фольклоре 1930-х годов. Таким образом, плачи вносят в дискурс 1920-х годов мотив народа, пребывающего в постоянном ожидании нового вождя. Этот дискурсивный мотив служит не только оправданию власти Сталина, воспетой в 1930-х годах во всех литературных жанрах, но делает из его прихода к власти историческую необходимость. Наследство Ленина больше не живет в коллективном «мы» партии и народа, созданном самим Сталиным в его траурной речи-клятве на смерть Ленина¹²², но сохраняется в мифологическом приходе Сталина. Песни вводят в культ Ленина идею преемственности в лице идеального наследника —

Сталина. Иллюзия замещения Ленина партией и народом исторгается из советской культурной памяти и заменяется представлением о наследовании Сталиным места вождя. Песни-плачи празднуют новое мистическое единство вождя и народа и представляют его как необходимую предпосылку того, что народ в конце концов будет спасен и врата в рай, созданный Сталиным, откроются.

Песни-плачи оплакивают смерть Ленина не только как потерю политического руководства, но и как утрату отцовской заботы, отсутствие которой оставляет народ в состоянии какого-то метафизического сиротства¹²³. Вместе с мифом великой семьи, ставшим стержнем советской культуры 1930-х годов¹²⁴, новая имажинарная структура общества по-новому рассматривает культ Ленина, вследствие чего Сталин оказывается не только демиургом и бессмертным политическим деятелем, но и выступает как царь-батюшка, строгость которого всегда сочетается с отцовской заботой¹²⁵.

Вместе с возвышением перехода власти к Сталину до космического избавления от новой смуты плачи оправдывают пришествие Сталина и в том смысле, что его руководство есть нечто похожее на древне-византийское мифическое представление о *geratio felicitium temporum*. По аналогии с типологией древних культов власти, он спасает тот порядок, который находился под угрозой после смерти Ленина¹²⁶.

Переход власти от Ленина к Сталину представляется в песнях в виде законной преемственности, учрежденной самим Лениным: «Все дела поручил же и оставил он неизменному вождю всенародному, своему славному другу Сталину»¹²⁷, «По твоим заветам-завещаньицу нас ведет ко счастью Сталин наш»¹²⁸, «Ой, как первый сокол со вторым прощался, он с предсмертным словом к другу обращался: “Сокол ты мой сизый, час пришел расстаться, все труды-заботы на тебя ложатся”»¹²⁹ или «Он, умирая, другу и брату — Сталину — нашу судьбу поручил: “Брат мой, храни бедняков от богатых, жизнь переделай, как я учил”»¹³⁰. Таким образом, песни-плачи переносят иллюзию непосредственного наследия Сталина назад, в ленинский культ 1920-х годов, в результате чего воспоминания о политической борьбе между Троцким, Каменевым, Зиновьевым и Сталиным предаются забвению¹³¹. Так, с помощью плачей в литературную память 1920-х годов задним числом вписывается коллективное знание о том, что Сталин — непосредственно назначенный наследник Ленина. В контексте фольклора, который понимается не как литература, но прежде всего как аутентичный исторический документ, эта коллективная амнезия становится аутентичным и истинным историческим знанием, которое уже давно было сохранено в памяти певцов¹³².

На фоне этой иллюзии непосредственного перехода власти от Ленина к Сталину и речь, произнесенная Сталиным на Втором съезде Советов СССР 26 января 1924 года, оказалась не актом риторического перехода власти¹³³, но провозглашенной «Клятвой», которой он лишь подтверждает порученное ему наследие: «С Ильичем-то он все думу думает, думу думает, речи говорит: “Мы с тобой, Ильич, не расстанемся, не разведемся. Вечно будет про тебя споминаньице”»¹³⁴, «А другой ответил: “Позабудь тревоги, мы тебе клянемся: Не свернем с дороги!” И сдержал он клятву, клятву боевую: сделал он счастливой всю страну родную»¹³⁵ или «Сталин от горестных мыслей очнулся, слезы сдержал ради тысяч людей. К сердцу учителя он прикоснулся и успокоил клятвой своей»¹³⁶. Так создается единство культа Ленина и Сталина, в совпадении которых прямое наследование Сталина становится абсолютной исторической истиной¹³⁷. Таким образом, плачи сами же свидетельствуют об «исторической реальности», которую они же и создают. Они связывают до тех пор существовавший культ Ленина с культом Сталина — главным советским культом середины 1930-х годов¹³⁸.

Утверждая: «самый твой верный, любимый, самый родной ученик»¹³⁹, «от орлов орлята нарождаются, у соколов — полеты соколиные, океан да с океаном —

братья кровные»¹⁴⁰ или «смотря на Сталина, мне так отрадно видеть в его глазах родного Ильича»¹⁴¹, называя Сталина живым воплощением Ленина, певцы создали иллюзию того, что наследование это не только политическое, но — сверх того — основано на воображаемом кровном родстве Ленина и Сталина¹⁴². Таким образом, вместе с плачами возникает и фикция династического наследования, реактивно вписываемая в культурную память 1920-х годов. Согласно этой мифологеме, Сталин, в соответствии с богословием средневековых государей, гарантирует не только дальнейшее существование политического, но и физического тела Ленина, которое до того сохранялось верой в его бессмертие¹⁴³. Поскольку в плачах выражается концепция власти, согласно которой, как писал Эрнст Канторович, предшественник и наследник государя считались совершенно тождественными¹⁴⁴, в память певцов входит представление о харизматических свойствах Сталина, которые сравниваются с мифическими чертами характера Ленина: «Он, как ты, народом любим, он, как ты, народом ценим, непреклонен и непобедим. Его знает свободный люд, ему славу народы поют, его имя в песнях страны выше солнца и выше луны»¹⁴⁵, «Он, как и ты, отважен, близок нам, мудр и велик!»¹⁴⁶ или «Сталин Ленину да кровный брат по работе, по размаху по орлиному, по полету, по простору соколиному. Мы идем со Сталиным, как с Лениным, говорим со Сталиным как с Лениным»¹⁴⁷, «Как ты, он народы к победам повел»¹⁴⁸.

Итак, властвование Сталина базируется не только на политическом наследовании¹⁴⁹, но и на избрании самим Лениным собственного наследника: «На радость народам, на счастье земле, живет твой наследник в московском кремле, Он мудр и отважен. Он — горный орел... И детям и внукам и правнукам враз, как старший в роду, я оставлю наказ: ...умеете все мысли и чувства собрать, умеете все силы и волю отдать тому, кого Ленин, как друга ценил, тому, кого Ленин, как брата любил, тому, кого Сталиным мир весь зовет, в ком солнечный ленинский гений живет»¹⁵⁰, «Но удел наш — беспечален: сколько счастья оттого, что ведет нас друг его, наш учитель — Сталин!»¹⁵¹, «Пусть нас ведет закаленный в грозных боях большевик, самый твой верный, любимый, самый родной ученик»¹⁵².

Поскольку Сталин оказывается в песнях властителем, который уже издавна обладал теми же качествами, что и Ленин, он господствует в песнях как совершенно равноправный вождь: «Встал на ленинское место наш родной, великий Сталин. И крестьянин и рабочий петь о нем не перестанут»¹⁵³. Тем самым легитимированное ранее от имени Ленина наследование Сталина преобразуется от наследования *per gratiam* в наследование *per naturam*¹⁵⁴. Сталин превращается в плачах в вождя не только чисто политического, но именно избранного, сакрального вождя¹⁵⁵.

В созданной песнями эсхатологии переход власти к Сталину представляет собой не столько сохранение прежнего порядка, сколько становится актом учреждения нового, а Сталин не только поддерживает тот общественный строй, который был создан Лениным, но усовершенствовал систему политического и общественного руководства¹⁵⁶: «На крылах могучих сквозь тучи всех гроз он ясное счастье народам принес»¹⁵⁷, «Сталин — гордый горный орел, с ним народ мой окреп, расцвел. С ним, с любимым, из года в год, жизнь все ярче, все краше цветет»¹⁵⁸, «Умер Ленин... Но тверже стали, крепче горных кремнистых пород ученик его — доблестный Сталин — нас к победам и счастью ведет»¹⁵⁹ или: «Под его водительством-заботою нет у нас сейчас людей без племени, нет без роду, без отечества, нет сирот, солдаток, горьких вдовушек, ни батрачного житья-бытья, ни полыни, лебеды-травы»¹⁶⁰. Советские фольклористы писали о плачах, опубликованных в середине 1930-х годов, следующим образом: «Знаменательно то, что в песнях и плачах, сложенных народными певцами на смерть Ленина, при всей силе выраженного в них народного горя, нет отчаяния. Во всех народных песнях слышна уверенность в деле его гениального ученика и друга — великого Сталина»¹⁶¹.

Поскольку смерть Ленина в песнях-плачах упоминается всегда с прямым указанием на последующий приход к власти Сталина¹⁶², появление плачей в советской литературе 1930-х годов не только указывает на безвозвратный конец автономного существования культа Ленина¹⁶³, но представляет собой инструментализацию этого культа, который, таким образом, теряет свою самостоятельность. Он становится лишь функцией культа Сталина, превращающегося в середине 1930-х годов в новый центр всего советского политико-идеологического проекта. Песни-плачи, создавшие поэтический дискурс ленинианы 1920-х годов, целостно сливаются с «текстом — олицетворением Сталина», которому, начиная с середины 1930-х годов, подчиняют себя все общественные, научные и литературные дискурсы. Таким образом, одновременно с введением фольклора в литературу, происходящим в середине 1930-х годов, происходит «насильственная гармонизация»¹⁶⁴ культов Ленина и Сталина, вследствие чего ленинский культ становится частью сталинского Gesamtkunstwerk.

Следовательно, плачи выполняли двойную функцию в период перехода от культа Ленина к культу Сталина после XVII съезда в 1934 году: с одной стороны, плачи освобождают место, занимаемое до тех пор Лениным в поэтической, политической и мифологической сферах, как необходимое для мифического прибытия нового вождя — Сталина; с другой, беспрестанно оплакивая смерть Ленина как двойную потерю любимого отца и вождя, они вносят в дискурс центральный стратегический элемент для легитимации сталинского прихода к власти.

При всем этом ритуальное «я помню» певцов переносит воспоминания о Ленине назад, в прошлое¹⁶⁵. Прошлое же — будь то дореволюционные события, жизнь или смерть Ленина — не возвращается, о нем остаются в песнях и плачах лишь «воспоминания». Следовательно, плачи не столько возвышают и воспевают Ленина как живого вождя, сколько «чтят память об умершем»: «Эх! Эх! Эх! Эх! Красный наш кунгас! Видим мы солнце, думаем о дне, что встает над миром, как Ленин-вождь»¹⁶⁶, «Ленин теперь умер и лежит в Москве, где солнце холодно и тускло, а у нас он оставил боль о его мыслях и духе, светлом и горячем»¹⁶⁷, «Вечером солнце под землю уходит, осенью в поле чернеет трава, все изменяется, все проходит, но память о Ленине будет жива»¹⁶⁸ или «Мы пришли сюда, на площадь, молвить наше слово, помянуть отца и друга — Ильича родного»¹⁶⁹.

Смерть и исчезновение — вечные спутники памяти. Воспоминание о них, самое их внесение в память — всегда лишь реконструкция чего-то бывшего, прошедшего. Так и возобновленный траур по смерти Ленина приводит к тому, что в его культе в 1930-е годы хранится не столько вечная память о нем, сколько память о его смерти¹⁷⁰. Воспевая исторические заслуги и величие Ленина, певцы превращают свою печаль в живую память о мертвом и этим вновь и вновь подчеркивают его отсутствие¹⁷¹. Противопоставляя элегические воспоминания о Ленине реальному Сталину, певцы превращают тем самым руководство Ленина в эпизод эпического прошлого, который имеет значение лишь в качестве исторического предания¹⁷².

Переход от настоящего и будущего, которые доминировали в первичной лениниане, к прошлому в песнях-плачах 1930-х годов свидетельствует о том, что Ленин окончательно лишается своего места в новой советской действительности. Тем самым освобождается место для эпического прихода Сталина, который воспевается в одновременно формирующейся фольклорной панегирике. Ритуально устранный из советской действительности 1930-х годов, Ленин присутствует в сознании певцов лишь в выставленном в мавзолее теле: «Если б стала я да ясным соколом, превратилась бы да в сиза голубя, ...до Москвы бы долетела я, до Кремля стены, до каменной, к мавзолею опустилася, ко Владимиру к Ленину»¹⁷³, «Я вижу: за моим окном зеленый лес покрыт листвою. В Москве есть дом большой, и в нем лежит наш Ленин, как живой»¹⁷⁴, «В Москве, в каменном большом горо-

де, где собрались все избранники народа, на площади есть кибитка, и в ней лежит Ленин»¹⁷⁵ или: «От гор бирюзовых, от желтых степей, пришел я, как странник, к тебе в мавзолей. Знамена склонились, скорбя над тобой, но ты, наш любимый, лежишь, как живой»¹⁷⁶.

Новины, исследованные Франком Миллером, заканчиваются, в отличие от возникающих одновременно с ними легендами и сказками о Сталине, не упоминанием о вечной жизни Ленина, а наоборот, воспоминанием о его смерти, так что и в них больше не выражается вера во вездесущее присутствие Ленина. Как и песни-плачи, они превращают память о Ленине в предание. В то время как написанная Марфой Крюковой в 1937 году былина «Сказка о Ленине» заканчивается, по аналогии с выходящими тогда же в свет песнями-плачами, горькой жалобой о безвозвратно ушедшем из жизни Ленине¹⁷⁷, в конце былины «На родине вождя», рассказывающей о путешествии Марфы Крюковой по родным местам Сталина, звучат уже совсем иные слова: «Пропевать — возвеличивать буду вождя Сталина, его справедливые дела, очень мудрые, много жить ему да долго здравствовать, получить ему за все подвиг победный»¹⁷⁸.

Сказки, исторические песни¹⁷⁹ и поминальные плачи¹⁸⁰, которые, наряду с песнями-плачами, составляют официальный дискурс ленинского фольклора 1930-х годов, также развивают рассказ о Ленине в эпическом прошлом и превращают его в отдельный сюжетный элемент воспоминаний¹⁸¹. Таким образом, почти все поэтические тексты того времени перестают возвеличивать бессмертие Ленина, но, вопреки утверждению Миллера¹⁸², всегда говорят о его смерти. Ленин как народный избавитель предстает в середине 1930-х годов лишь как легенда, которая, посредством повторной инсценировки окончательной смерти Ленина, вписывается в вечную память народного предания.

Вслед за вытеснением воспоминаний о руководстве Ленина из советской истории 1930-х годов, в памяти певцов происходит словно конденсация ленинского прошлого, служащая основанием для создания мифа нового советского общества¹⁸³, завершение строительства которого больше не зависит от присутствия или отсутствия вездесущего Ленина, но полностью переносится на Сталина. Апофеоз Ленина осуществляется теперь не посредством его возвышения в качестве бессмертного вождя, но в мистификации его смерти. Таким образом, песни-плачи реактивно вводят в память ленинианы 1920-х годов новый дискурсивный элемент: Ленин жив в «памяти» певцов уже не как бессмертный бог, а как святой мученик, пожертвовавший своей жизнью ради светлого будущего¹⁸⁴, а его основная функция — дать дорогу наследнику — Сталину: «Ты для нас работал, рук не кладучи, ума-разума большого не жалеючи, ты сгорел за нас костром-полымем»¹⁸⁵, «Он жил для нас. Его трудом еще поныне мы живем»¹⁸⁶, «Учитесь у мудрого Ленина жить, народ до последнего вздоха любить»¹⁸⁷ и т. д.

Благодаря плачам культ бессмертия Ленина преобразуется в культ его смерти («за дело рабочего класса и создания нового социалистического общества»). Одновременно с этим в плачах происходит ре-канонизация выставленного в мавзолее тела Ленина. Мавзолей перестает быть своего рода египетской пирамидой, напоминающей о бессмертии великого вождя¹⁸⁸, но становится символическим местом погребения Ленина как одного из тех мучеников, чья святость всегда оправдывается самим фактом их смерти. Если центр сталинской власти стал «теплым сердцем страны» и скрывается за стенами Кремля, то мертвое тело Ленина, публично выставленное в мавзолее, представляет собой новую святыню, раскрывающую глубокую тайну и правду ленинского учения¹⁸⁹: «Если у тебя большое горе и ничто не утешает тебя, подойди к этой кибитке и взгляни на Ленина. И печаль твоя разоидется, как вода, и горе твое уплывет, как листья в арыке, и новым горем — тихим — будешь охвачен ты, когда увидишь того, кто был отцом страны и кого уязвило жало смерти»¹⁹⁰.

В результате тело Ленина с возникновением песен-плачей само стало составной частью ленинского же плана монументальной пропаганды, являясь предметом пропаганды культа смерти¹⁹¹. Так как в песнях-плачах более позднего периода постоянно подчеркивается именно историческое значение политической деятельности Ленина, актуальными становятся лишь те метафоры, которые должны обеспечивать дальнейшее существование ленинских идей в контексте созданного Сталиным «марксизма-ленинизма»¹⁹². Беспреданно оплакивая смерть великого вождя и потерю его духовного руководства, песни открывают новые пути для интерпретации ленинских произведений Сталиным. Идеи ленинизма и актуальная власть Сталина сливаются, образуя тем самым ту единственную силу, которая одна в состоянии гарантировать продолжение и завершение начатого Лениным дела: «По твоим заветам-завещанию нас ведет ко счастью Сталин»¹⁹³, «По тем путям, что завещал нам Ленин, родной товарищ Сталин нас ведет»¹⁹⁴, «Твой светлый разум не погас. Он в слове Сталина горит. В законах сталинских для нас он каждой буквой говорит»¹⁹⁵, «Если товарищ Ленин и умер, великое слово его осталось; чтобы вперед побеждать — Сталин, верный товарищ Ленина, остался»¹⁹⁶.

Освобождая партию и народ от «должности» хранителей ленинской правды¹⁹⁷, плачи присваивают Сталину «звание» единственного истолкователя ленинского наследия¹⁹⁸.

Однако, параллельно с окончательным отстранением Ленина от советской действительности 1930-х годов, происходит и ре-канонизация поэтической ленинианы, которая очищается от всего, что напоминало о Ленине как о космическом избавителе и мифологическом герое. Тот «ленинский фольклор», который печатается с середины 1930-х годов в антологиях и сборниках, редко включает в себя те стихотворения, песни, сказки и предания, которые создавались еще при жизни Ленина и в которых Ленин представлен как бессмертный вождь, космический спаситель, мифический герой-волшебник или любимец Аллаха¹⁹⁹.

Плачи, которые, по мнению советских фольклористов, напоминают о Ленине как об «освободителе от гнета, от несправедливости, от нищеты и бедности» или как о «друге и защитнике бедняков»²⁰⁰, активно участвуют в процессе реисторизации Ленина, в котором он теряет все черты космического избавителя. Ленин лишается прежней ауры бессмертного бога и становится лишь смертным вождем, период руководства которого ограничивается длительностью человеческой жизни. Но вытеснение мифологических черт Ленина из общего дискурса является не только результатом издательской политики²⁰¹, но также и определенных течений в советской фольклористике, стремящейся к исключению почти всего прежнего фольклора, упрекая его в наивной фантастике и неверном изображении Ленина: «В воспоминаниях и сказках меньше всего следует искать фактической достоверности... Откровенно-сказочный характер носят народные творения о Ленине, возникшие в далекой тайге, куда проникли дело Ленина и слава его великого имени, но где не было и не могло быть непосредственного соприкосновения с ним»²⁰².

Только после того, как ленинский фольклор 1920-х годов был очищен от своего мифологического содержания, эти тексты смогли возвратиться в лениниану 1930-х годов, демонстрируя, помимо мифологической мистификации Ленина, прежде всего его настоящий образ — образ человеческий: «Возможно, что в этих вполне реалистических подробностях не все истина. Но они законны, как законна выдумка в художественном произведении: они верно служат созданию Ильичева образа “самого человеческого человека”, и воспроизводят ту ясную, чистую простоту, которая характеризовала Владимира Ильича в его взаимоотношениях с массами трудящихся»²⁰³.

Чистка литературной памяти касается не только ленинианы фольклорной. Поэтическая лениниана 1920-х годов также исключается из литературной жизни

1930-х годов как запятнанная формализмом и уходит в сферу истории, где литература принадлежит еще индивидуальным поэтам, а не всему народу²⁰⁴. На первый взгляд, критика поэтической ленинианы 1920-х годов выглядит как прямой перенос дискуссии о формализме, охватившей, начиная с 1936 года, всю советскую литературу, на культ Ленина. Однако, одновременно со сменой основных парадигм в концепции ленинианы, вместе с переменной во взаимоотношениях литературы и фольклора, заменяется и миф о вечной жизни Ленина знанием о его — на этот раз окончательной — смерти, которое в середине 1930-х годов становится составной частью коллективной памяти²⁰⁵. Ранним текстам ленинианы в литературоведческом дискурсе 1930-х годов противопоставляется новый литературный канон, образовавшийся в конце концов без инструментализации традиционных плачей. Кроме фольклорных текстов, в него входят литературный портрет «Владимир Ильич Ленин» Горького, переработанный им еще раз в 1930 году, и поэма «Владимир Ильич Ленин» Маяковского. Оба текста уже содержат в себе, в отличие от всех других текстов 1920-х годов, первые элементы восхваления личности Сталина²⁰⁶. Так, в конце концов, был создан литературный канон ленинианы, в репертуаре готовых письменных текстов которого сохранились не столько эпические воспоминания об исторической жизни Ленина, сколько оплакивание его смерти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Все тексты, анализируемые в этой статье, были опубликованы в сборниках: «Творчество народов СССР» (М., 1938) и «Ленин и Сталин в поэзии народов СССР» (М., 1938). В дальнейшем они упоминаются как «Творчество народов» и «Ленин и Сталин».

2 Сулейман Стальский. На смерть Ленина (Ленин и Сталин. С. 85).

3 «Из России прибыл вестник» (Ленин и Сталин. С. 202).

4 См., например, стихотворение «И песни и сказки чудесней» Юрия Олеши, опубликованное в 1926 году в журнале «Гудок» под псевдонимом «Зубило» (все цитируемые в дальнейшем тексты ранней ленинианы напечатаны в сб.: Ленин в советской поэзии. Л., 1970 — который указывается в дальнейшем как «Ленин в советской поэзии») — Ленин в советской поэзии. С. 359 — где момент траура отсутствует; то же и в стихотворении «Разговор с товарищем Лениным» Владимира Маяковского, опубликованном в 1929 году в «Комсомольской правде» (Ленин в советской поэзии. С. 395) или в стихотворном цикле «Ленин» Сергея Спасского, который первый раз был опубликован в «Красной нови» в 1927 году (Ленин в советской поэзии. С. 391 и след.). Все они превращали траур, который во время первой годовщины смерти Ленина в 1925 году еще был одним из центральных моментов всей ленинианы, в агиографическую память. Возвышая личность Ленина, они участвовали в канонизации его как непогрешимого и харизматического вождя. (Ср. особенно стихотворения «Молодость Ленина» Николая Асеева (Ленин в советской поэзии. С. 376 и след.), «Никто не знал... (22 апреля 1870 года)» Демьяна Бедного (Ленин в советской поэзии. С. 377 и след.) или «15-е марта 18-го года» Николая Тихонова (Ленин в советской поэзии. С. 378 и след.), которые были опубликованы в «Правде» 22 апреля 1927 года по случаю дня рождения Ленина и которые равным образом преображали рождение Ленина во второе прибытие мессии.) О канонизации культа Ленина к концу 1920-х годов см.: *Nina Tumarkin. Lenin lives! The Lenin cult in Soviet Russia. Cambridge, Mass., 1983. P. 244 и след.*, а также: *Olga Velikanova. Making of an idol: On uses of Lenin. Gottingen/Zurich, 1996. P. 123 и след.*

5 См.: *Е. В. Гиппиус, В. И. Чичеров. Советская фольклористика за 20 лет // Советская этнография. 1947. № 4. С. 48 и след.; Литература и искусство // Большая советская энциклопедия: Союз Советских Социалистических Республик. М., 1948. С. 1462;*

Александр Дымищ. Литература и фольклор. Сб. ст. М., 1938. С. 4 и след.; *Юрий Соколов.* Русский фольклор. М., 1938. С. 514 и след.

6 Об унификации советской фольклористики см.: *Felix Oinas.* Folklore and politics in the Soviet Union // *Slavic Review*, 1973, Vol. 32. P. 47 и след., *Felix Oinas.* The political uses and themes of folklore in the Soviet Union // *Journal of the Folklore Institute*, 1975. № 12. P. 82 ; М. К. Азадовский. Советская фольклористика за 20 лет // Советский фольклор, 1937. № 6. С. 13 и след.; Гиппиус, Чичеров. Указ. соч. С. 29 и след. Об унификации самого фольклора см.: *Felix Oinas.* The problem of notion of Soviet folklore // Linda Degh (ed.). A festschrift for Richard M. Dorson. Bloomington, 1976. P. 380 и след.; *Николай Леонтьев.* Волхование и шаманство // *Новый мир.* 1954. № 8. С. 228; *Hans-Jurgen Lehnert.* Die Ruckkehr der Folklore // *Znakolog.* 1992. Vol. 4. S. 240 и след.; *Frank J. Miller.* Folklore for Stalin: Russian folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. New York-London, 1990. P. 26 и след.

7 *Соколов.* Указ. соч. С. 528.

8 Об экспедициях и собранном в их ходе материале см.: *Oinas.* Op. cit. P. 79 и след.; *Леонтьев.* Указ. соч. С. 232; *Азадовский.* Указ. соч. С. 10 и след.

9 О советизации традиционного фольклора см.: *Katerina Clark.* The Soviet novel. History as ritual. Chicago, 1985. P. 147, *Oinas.* The political uses and themes of folklore in the Soviet Union. P. 82 , *Miller.* Op. cit. P. 7; *Леонтьев.* Указ. соч. С. 233 и тексты советской фольклористики, в которых процесс замены традиционного содержания новым советским является одним из важнейших моментов конституирования советского фольклора. См.: *Дымищ.* Указ. соч. С. 19 и след.; *Азадовский.* Указ. соч. С. 19.

10 М. К. Азадовский считал возвращение плачей не воскресением жанра в новых условиях советской действительности, но частичным разрушением традиционных форм: «Если не вполне новой, то во всяком случае весьма своеобразной вариацией старого жанра являются многочисленные плачи, главным образом плачи о Ленине и о Кирове... Это в сущности нельзя назвать плачем, в том понимании, какое обычно связывается с такого рода жанром. Т. е. плач-причитание. Эти плачи следовало бы назвать скорее поэтическим сказом, поэтическим размышлением, использующим поэтику причитания, а иногда и другие жанры» (*Азадовский.* Указ. соч. С. 18).

11 О внеиндивидуальной поэтике скорби в плачах, которая только в момент настоящего оплакивания мертвого наполняется индивидуальными чертами покойного см.: *Elsa Mahler.* Die Russische Totenklage: Ihre rituelle und dichterische Bedeutung. Nendeln-Liechtenstein, 1968 (1935). S. 43 и след.; *Л. Г. Невская.* Балто-славянское причитание: Реконструкция семантической структуры // В. В. Иванов, Л. Г. Невская (сост.). Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 135 и след.

12 *Дымищ.* Указ. соч. С. 24.

13 *Соколов.* Указ. соч. С. 525.

14 Ср.: «Плачи о Ленине — это не оплакивание покойника, но скорее мысли и размышления, вызванные смертью Ленина: мысли о его деле, о положении страны, и все это в неизменной связи с личными переживаниями» (*Азадовский.* Указ. соч. С. 18 и след.).

15 О традиционной тождественности оплакивающего «я» и печалющегося «я» в поэтике плача см.: *А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон.* Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. С. 67.

16 Сулейман Стальский. Ленин. (Ленин и Сталин. С. 19).

17 «Прощанье» (Творчество народов. С. 75).

18 «На смерть Ленина» (Ленин и Сталин. С. 155).

19 «По твоим заветам все исполнилось» (Творчество народов. С. 85).

20 О различии между инсценированным всесоюзным трауром и действительным обсуждением смерти Ленина ср. архивный материал, который цитирует Ольга Великанова: «News about the death of Lenin was greeted in different ways, some with regret, others with joy... It hurt, when some thoughtless peasants said: "That's one dead, good, if only they would all croak." This was said by not only one person, but by many. In general the peasants still haven't understood what Vladimir Ilyich did for them... Out here in the backwoods

we only heard about Lenin died, for three days it was forbidden to meet and hold conversations, but the majority of the people rejoiced that Lenin had died». («Известие о смерти Ленина было встречено по-разному: кем-то с сожалением, а кем-то с радостью... Было тяжело слышать, как некоторые темные крестьяне говорили: “Один помер, ну и ладно; пусть бы они все загнулись”. И это говорил не один человек. Крестьяне вообще все еще не понимают, что Владимир Ильич сделал для них... Здесь, в глуши мы услышали, что Ленин умер, потому что на три дня запрещено было собираться и веселиться. Но большинство радовалось, что Ленин умер»). Или: «“From Tver”. You ask, how the countryside reacted to the death of Lenin, to be honest, in no way, no kind of interest, he lived, now he died, as everyone dies at some point». («“Из Твери”. Вы спрашиваете, как в деревне реагировали на смерть Ленина. Честно говоря, никак, никакого интереса; жил, теперь умер — как все умрут когда-нибудь»). (*Velikanova*. Указ. соч. С. 102). О телеграммах и постановлениях, изданных ЦК и похоронной комиссией сразу после смерти Ленина для распространения культа Ленина, см.: *Tumarkin*. Op. cit. P. 165 и след.

21 «На смерть Ленина» (Ленин и Сталин. С. 154).

22 «Каменна Москва вся проплакана» (Творчество народов. С. 70).

23 «Плачьте, узбеки!» (Ленин и Сталин. С. 191).

24 «Жив Ильич» (Ленин и Сталин. С. 163).

25 Почти все жители нерусских республик на выборах в Учредительное собрание 25 ноября 1917 года выбирали национальные партии, которые выступали за государственную или по меньшей мере за культурную самостоятельность республик и областей. Только к концу 1920-х годов, в связи с коллективизацией и индустриализацией, они окончательно были подчинены центральному управлению Москвы. О стремлении к национальной автономии нерусских республик и областей см.: *Andreas Kappeler*. *Russland als Vielvolkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall*. Munchen, 1993. S. 288—310.

26 *Egon Erwin Kisch*. *Zaren, Popen, Bolschewiken. Asien grundlich verandert. China geheim*. Berlin, 1993 (1961). S. 262, 297, 305.

27 Ср. ст. Пауля Шеффлера для «*Berliner Tageblatt*» (ноябрь 1924 г.) о политическом положении в Грузии: *Paul Scheffler*. *Georgischer Kommunismus // Augenzeuge im Staate Lenins. Ein Korrespondent berichtet aus Moskau 1921—1930*. Munchen, 1972. S. 183—188.

28 *Kisch*. Op. cit. P. 321 и след.

29 *Ibid*. P. 268.

30 *Ibid*. P. 296: «Von der russischen Revolution 1917 hatte weder er noch sonst jemand aus seiner Gegend drei Jahre lang etwas gehort. Erst 1920 verbreitete sich das Gerucht, ein Russe namens Lenin sei nach Buchara gekommen und der Emir fluchte vor ihm nach Dschambe, der Russe, Lenin, hinter ihm her» («Ни он, ни кто другой из его окружения в течение трех лет ничего не слышал о русской революции 1917 года. Только в 1920 г. распространился слух, что какой-то русский по имени Ленин пришел в Бухару и Эмир убежал от него в Дюшамбе, а русский, Ленин, его преследовал»).

31 См. введение В. П. Андреева и Г. С. Виноградова к антологии традиционных плачей: Русские плачи (причитания). М., 1937. С. IX и след. Георг Ниорадзе пишет в этнографическом исследовании о погребальных обрядах хевсуров: «Die Frauen wehklagen laut, wahrend die Manner still vor sich hin weinen, da lautes Weinen fur einen Mann unwurdig ist». («Женщины громко причитают, а мужчины тихо плачут про себя, поскольку громкий плач мужчине неприличен»). (*Georg Nioradze*. *Begrabnis- und Totenkultus bei den Chewssuren*. Stuttgart, 1931. S. 20).

32 Так, Юрий Соколов пишет о плачах Сулеймана Стальского: «Сулейман был сильно потрясен смертью вождя революции Ленина. Следуя своей привычке находить конкретные образы для выражения своих чувств, Сулейман Стальский передачу своей скорби соединяет с описанием зимнего холодного дня. Песня достигает высокой эмоциональной напряженности» (*Соколов*. Указ. соч. С. 526).

33 О певцах как об авторах поэтических текстов см.: *Miller*. Op. cit. P. 19 и след. Об уравнивании литературы и фольклора в советской культуре см. статью А. Гурштейна «К проблеме народности в литературе»: «Мы, значит, приближаемся к тому времени, когда можно будет понятие “народного творчества” не ограничивать только так на-

зываемым «фольклором», «устным творчеством», а применить его ко всему нашему художественному творчеству» (А. Гурштейн. К проблеме народности в литературе // Новый мир. 1940. № 7. С. 232) и статью «За народность искусства» В. Ермилова: «И устное, и письменное народное художественное творчество должно вливаться в художественную литературу, — разумеется, не в сыром, а в творчески переработанном виде» (В. Ермилов. За народность искусства // Красная новь. 1936. № 4. С. 229).

34 Ср.: *Hans Günther*. Die Verstaatlichung der Literatur: Entstehung und Funktionsweise des sozialistisch-realistischen Kanons in der sowjetischen Literatur der 30er Jahre. Stuttgart, 1984. S. 55 и след.

35 О смешении традиционной топики и стилистики, проявившемся прежде всего в употреблении уменьшительных форм, и об элементах пропагандистского языка ср.: *Miller*. Op. cit. P. 67—68, 49—50.

36 Ср. речь Сталина на XVI съезде партии в 1930 году.

37 Юрий Соколов сводит происхождение плачей непосредственно к личному ощущению певцов: «На смерть Ленина сложили свои прочувствованные песни и Сулейман Стальский, и Джамбул Джабаев, сложила свой трогательный плач и русская северная сказительница М. С. Крюкова» (Соколов. Указ. соч. С. 525).

38 Тексты таких певцов, как Сакен Сейфуллин, Даут Юлтый, Мамед Саид Ордубады, Сулейман Стальский, Хади Такташ или Абулкасым Джукатеев, которые собраны в сборнике «Ленин в советской поэзии», изданном в 1970 году, стали в середине 1930-х годов центральной частью «ленинского фольклора». В отличие от текстов поэтической ленинианы 1920-х годов, ни один из этих текстов не был опубликован непосредственно после смерти Ленина в газетах или журналах. В антологии 1970 г. тексты 1930-х годов публикуются вместе с ленинианой середины 1920-х годов (см. примечания в сб. «Ленин в советской поэзии». С. 718—724).

39 Советские фольклористы утверждали, что смерть Ленина стала непосредственной причиной создания плачей: «Смерть Ленина, эта горестная, эта черная, эта траурная тема исторгла у народов Союза множество печальных песен» (А. Эрлих. Творчество народов СССР // Красная новь. 1937. № 9. С. 187); «Смерть Владимира Ильича громом поразила трудящихся. Народное горе вылилось в прекрасных произведениях народных поэтов. Смерть Ленина послужила основой множества народных сказаний и легенд» (Соколов. Указ. соч. С. 525).

40 «Ильич скончался» (Творчество народов. С. 68).

41 «Умер наш Ленин» (Ленин и Сталин. С. 166).

42 Сулейман Стальский. «Ленин» (Ленин и Сталин. С. 19).

43 Хотя в некоторых городах первые передачи радиовещания уже начались (для военнослужащих) с 1919 года, а первый радиорупор был установлен на балконе здания Московского Совета в конце мая 1921 г., столицы союзных республик (за исключением Ташкента, где уже в 1922 г. была устроена радиостанция) только с начала 1930-х годов получили радиостанции. В ходе радиофикации пограничные области Советского Союза подключались к центральному радиовещанию из Москвы. Ср.: *Paul Roth*. Der sowjetische Rundfunk // Rundfunk und Fernsehen. 1974. Bd. 22. S. 188 и след. О медиальной деревне как о предпосылке непосредственной коммуникации, в которой весть о смерти Ленина и в таких далеких областях как Памир или Казахстан может стать предметом личных переживаний певцов, ср. *Marshall McLuhan*. Die magischen Kanäle. Dusseldorf-Wien, 1968. S. 326 и след.

44 «О Ленине» (Ленин и Сталин. С. 174).

45 «Ленин, как снежные горы, высок» (Творчество народов. С. 77).

46 «Из Москвы пришел вестник» (Творчество народов. С. 69).

47 «Каменна Москва вся проплакана» (Творчество народов. С. 70).

48 Джамбул Джабаев. В мавзолее Ленина (Ленин и Сталин. С. 23).

49 «Не вянут красные цветы» (Творчество народов. С. 97).

50 «Клятва» (Творчество народов. С. 103).

51 «Незабвенному вождю» (Ленин и Сталин. С. 128).

52 «Каменна Москва вся проплакана» (Творчество народов. С. 71).

53 О семиотике костюма и форменной одежды см.: *Andrej Sinjavskij*. Der Traum

vom neuen Menschen oder Die Sowjetzivilisation. Frankfurt/M., 1989. S. 117 и след.

54 Об очевидности как литературном приеме, с помощью которого певцы инсценируют аутентичность своих воспоминаний см.: *Aleida Assmann. Fiktion als Differenz // Poetica*. 1989. Bd. 21. S. 244.

55 Красноречивый пример взаимной контаминации советской и национальной памяти в среднеазиатских республиках — беседа Эгона Эрвина Киша во время его поездки из Ташкента в Самарканд с председателем комбината кожевенной промышленности: «Diese Uzbeken und Tadshiken wissen von Karl Marx nicht mehr, als daß nach ihm Straßen benannt sind, und von Lenin kennen sie nur Denkmäler. Und solche Leute läßt man schalten und walten! Es kamen Briefe an unseren Trust, unterschrieben vom Vorsitzenden und vom Sekretär des Bezirkssowjets, die haben so geschlossen: Allah segne die Genossen Marx, Engels, Lenin und Stalin, und er verleihe ihnen Kraft und glorreiche Führung unserer heißgeliebten kommunistischen Partei, wofür wir uns zum täglichen Gebet vereinigen». («Эти узбеки и таджики не знали о Карле Марксе ничего, кроме того, что в честь него названы улицы, а с Лениным связывали лишь памятники. И эти люди всем владели и распоряжались! В наш трест пришло письмо, подписанное председателем и секретарем районного совета, которое кончалось следующим образом: “Благослови Аллах товарищей Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина и придай им силу и славному руководству нашей горячо любимой коммунистической партии, о чем и мы молим в наших ежедневных молитвах”»). (*Kisch. Op. cit.* P. 235 и след.) О подобном синкретизме рассказывает и Оскар Мария Граф, который в 1934 году путешествовал с другими писателями по областям Советского Союза и вспоминал праздник в одной из кавказских деревень: «Unter dem Torgewolbe, auf dem Platz innerhalb der Mauer und vor der Kirche hielten die Budenbesitzer ihre Waren feil: buntbemalte Tonfläschchen und billige Schnitzereien, kaukasische Dolche und Messer, Schuhe, Gürtel, Sattelzeug, gestickte Käppchen und Amulette mit Heiligenbildern neben solchen, die Lenin und Stalin zeigten, daneben andere fromme Dinge, sonderbare Reliquien und sogar ganz billige Meßbücher». («Под аркой ворот, на площади внутри городской стены и перед церковью лавочники выставили свои товары: пестрые горшки и дешевую резьбу, кавказские кинжалы и ножи, обувь, ремни, сбрую, вышитые шапочки и амулеты с изображениями святых, рядом с которыми можно увидеть точно такие же с портретами Ленина и Сталина и тут же другие благочестивые вещицы, ценные реликвии и даже целые дешевые молитвенники»). (*Oskar Maria Graf. Reise nach Sowjetrußland 1934*. Berlin, 1979 (1974). S. 163).

56 См.: *Scheffler. Op. cit.* P. 183 и след.; *Kisch. Op. cit.* P. 62 и 296 и след, а также: *Günther Stöckl. Abfall der Nationen // Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Stuttgart, 1983. S. 659—670; *Kappeler. Op. cit.* P. 288 и след.

57 Такое историческое знание не только учреждает сам фольклористический дискурс. Юрий Соколов, например, пишет: «Ленин избавил трудящихся от нищеты. Он сделал и другое великое дело. Он примирил ранее враждовавшие друг с другом народы. Он объединил их в единую семью. Особенно часто возвращаются к этой теме народные ашуги многоплеменного Кавказа» (*Соколов. Указ. соч.* С. 523). Это знание и конституирует весь исторический дискурс: «Im Dezember 1922 fand der erste Unionskongreß der Sowjets statt. Auf diesem Kongreß wurde auf Vorschlag Lenins und Stalins ein freiwilliger Staatsverband der Sowjetvölker — die Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken (UdSSR) — geschaffen... Jetzt vereinigten sich alle Republiken auf der Grundlage der Freiwilligkeit und der Gleichberechtigung zum einheitlichen Bund der Sowjetstaaten, zur Union der SSR, wobei jede Republik das Recht auf freien Austritt aus der Sowjetunion gewahrt blieb. Die Schaffung der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken bedeutete eine Stärkung der Sowjetmacht und einen großen Sieg der Lenin-Stalinschen Politik der Partei der Bolschewiki in der nationalen Frage». («В декабре 1922 г. состоялся Первый Всесоюзный Съезд Советов. На этом съезде по предложению Ленина и Сталина был создан Союз Советских Социалистических республик (СССР) — добровольное объединение советских народов. Теперь все республики объединились на основе добровольности и равноправия в единый союз советских государств, СССР, причем каждая из республик сохраняла право свободного выхода из Союза. Создание СССР ознаменовало возрастание мощи Советской власти и явилось большой победой ленинско-сталинской политики партии боль-

шеви́ков в национальном вопросе») (*Geschichte der Kommunistischen Partei der Sowjetunion (Bolschewiki). Kurzer Lehrgang*. Berlin, o. J.. S. 352 и след.).

58 Совершенно отчетливо эта историческая фальсификация видна в плаче «Ленин, как снежные горы, высок», опубликованном в сборнике «Творчество народов СССР». Этот плач, якобы записанный в 1924 году около Джарминска Казахской ССР, заканчивается строфой: «Пусть нас ведет закаленный в грозных боях Большевик, самый твой верный, любимый, самый родной ученик» (Творчество народов. С. 78).

59 См.: *Азадовский*. Указ. соч. С. 4 и след.; *Гиппиус, Чичеров*. Указ. соч. С. 47 и след.; *Соколов*. Указ. соч. С. 551 и след.; *Дымишиц*. Указ. соч. С. 7 и след.

60 См.: *Tumarkin*. Op. cit. P. 247 и след.

61 См. *Tumarkin*. Op. cit. P. 206: «Создание постоянного мавзолея пришлось как раз на то время, когда культ Ленина постепенно трансформировался в прославление сталинской России и самого Сталина. Каменное здание знаменовало упадок Ленинского культа. При власти Сталина ленинский культ стал столь же холоден и безжизнен, как и каменный мавзолей. Он прославлял мертвого, а не живущего Ленина. Сталин действительно “заморозил” Ленина, и бессмертный Ленин не мог восстать вновь, пока не умрет караулящий его старец».

62 См.: *Mahler*. Op. cit. P. 283 и след.; *Невская*. Указ. соч. С. 137. Байбу́рин и Левинто́н в своем исследовании о связи погребальных и свадебных обрядов указывают на то, что с окончательным погребением мертвого кончается незавершенный переходный ритуал, который отрицает представление о воскресении мертвого: «Дело в том, что ритуально оформленный (а не только мыслимый) путь покойника завершается на кладбище..., дальнейший его путь (на тот свет, реинкарнация) остается в чисто концептуальной сфере и ритуального выражения не получает, во всяком случае как путь, актуализуемый в рамках обряда... Все те ритуальные действия, которые традиционно интерпретируются как направленные на «воскресение» (поминальная трапеза, «погребальный» смех, отдельные виды обрядовой еды, связанные с мотивом «семени» и т. п.), всегда ориентированы на «отдаленный» результат, на события, отделенные от исполнителей ритуала пространством (включая границу того и этого света) или временем (в случае реинкарнации, которая мыслится в будущем, может быть не очень отдаленном, но во всяком случае не совпадающем со временем ритуала)... Регулярное же возвращение покойников на 9 и 40 день, через год и вообще во время поминальных обрядов носит совершенно особый характер: покойники ни в какой мере не возвращаются при этом в коллектив, они приходят в гости точно так же, как молодая на третий (или иной) день после свадьбы возвращается к родителям уже в качестве гостьи. Вернуться в родительский дом... она точно так же не может, как не может окончательно вернуться к живым мертвец» (*Байбу́рин, Левинто́н*. Указ. соч. С. 69).

63 *Сергей Третьяков*. Мы помним. (Ленин в советской поэзии. С. 134).

64 *Сергей Бобров*. Б. н. (Ленин в советской поэзии. С. 155).

65 *Иосиф Уткин*. 21 января 1924 года. (Ленин в советской поэзии. С. 173).

66 О разнице между смертным телом Ленина и его бессмертным политическим телом, символизируемой в лениниане 1920-х годов расщеплением имени Ленина на имя смертного человека «Ильич» и бессмертный символ «Ленин», см.: *Venno Ennker*. Die Anfänge des Leninkults // *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*, 1987, Bd. 35. S. 548; *Tumarkin*. Op. cit. P. 165; *Velikanova*. Op. cit. P. 47.

67 «Клятва» (Творчество народов. С. 101 и след.).

68 О мотивах, образах и лирико-риторических вопросах в традиционных плачах см.: *Mahler*. Op. cit. P. 307 и след.; *Margaret Alexiou*. The ritual lament in greek tradition. London, 1972. P. 161 и след.

69 «Каменная Москва вся проплакана» (Творчество народов. С. 71).

70 «Прощанье» (Творчество народов. С. 75).

71 «Ленин, как снежные горы, высок» (Творчество народов. С. 77).

72 «На площади стоит кибитка» (Творчество народов. С. 101).

73 О безвозвратности смерти как ритуализированном знании традиционных плачей см.: *Байбу́рин, Левинто́н*. Указ. соч. С. 72.

74 «О Ленине» (Ленин и Сталин. С. 174).

75 «На смерть Ленина» (Ленин и Сталин. С. 155).

76 Сулейман Стальский. Ленин (Ленин и Сталин. С. 19).

77 «Прощанье» (Творчество народов. С. 75).

78 См. этимологическое исследование слов «умирать» и «смерть», которые, как показал В. Н. Топоров, восходят к индоевропейскому корню *мер- / *мор- и прежде всего обозначают «опустение, исчерпание, истощение, изживание» (В. Н. Топоров. Заметка о двух индоевропейских глаголах умирания // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1990. С. 48 и след). В соответствии с этим, глаголы «ушел», «покинул» или «оставил» кодифицируют значение смерти, в котором смерть всегда обозначает окончательное исчезновение мертвого (Там же. С. 51).

79 О смерти, которая с самого начала ничего не знает о возвращении покойника см.: *Андреев, Виноградов*. Указ. соч. С. XV, а также тексты традиционных плачей, где оплакивается именно невозвратность мертвого. Так, если И. А. Федосова печалится из-за смерти сына словами: «Куды-хоть брошусь, победная головушка, не найти столько роженного мне дитятка; мне-ка во-веки, победной, не видаст буде, мне-ка, на слухе, победной, не слышать буде; хоть опущено рожено у мня дитятко, хоть не в дальнюю дорожку безызвестную, не в лесныи перелески мутаршливыи, ко этой пресвятой да богородице, во матушку да во сыру землю, во погреба да во глубокии» (И. А. Федосова. Плач о сыне // Виноградов. Указ. соч. С. 27). В плаче Н. С. Богдановой: «Охти мни, бедной горющице, сама знаю, сама ведаю — письмо-грамотка неложная, я известье не подложное; уж как век того не водитце — со мертвых житы не родятце» (Н. С. Богданова. Плач вдовой по муже, погибшем в Киваче при сплаве леса // Виноградов. Указ. соч. С. 126). Сходное понимание смерти содержится и в погребальных обрядах кавказских народов, в ритуале которых после окончательного погребения покойника происходит заклинание души, во время которого родственники мертвого соприкасаются с его душой. Воображаемые речи покойников, которые записал Георг Ниорадзе во время этих заклинаний, указывают на ту же неразрушимость границы между жизнью и смертью, что и русские плачи: «Es ist wahr, manchmal habe ich Sehnsucht nach dir, Mutter, und mochte zu dir laufen... Doch der Gott von Sulethi (chewssurisches Paradies) erlaubt es nicht. Sulethi ist so eingerichtet, daß von dort kein einziger Weg zuruck zur Erde fuhr, ich darf und kann es nicht verlassen». («Правда, матушка, тоскую я по тебе и хотел бы к тебе побежать... Но Бог из Зулети [хевсурский рай] мне не разрешает. Зулети так устроен, что оттуда ни одна дорога не ведет на Землю, и я не могу и не смею его покинуть»). (Nioradze. Указ. соч. С. 39 и след.).

80 Так, Марфа Крюкова после обращения к ветрам с просьбой открыть гроб Ленина и дать ему возможность возвратиться в созданный им рай нового Советского Союза, поет: «Вы не ждите-ко, народ-люди добрые, как от старого до малого, не по городам, не по деревенькам же, не придет к нам и не будет он, не будет наш дорогой Ильич» (Творчество народов. С. 73). Ср. с традиционными плачами, изданными Г. С. Виноградовым и Н. П. Андреевым: «Возбушуйте, ветры буйные, со всех ли четырех сторон, понесите вы к божьей церкви, размечите вы сыру землю, вы ударьте в большой колокол, разбудите мою матушку! Не бушуют-то ветры с четырех сторон, не ударят они в большой колокол, не разбудят моей матушки» (И. А. Федосова. Плач дочери по матери // Виноградов. Указ. соч. С. 29).

81 О мотиве успокоения души в традиционных плачах см.: *Alexiou*. Указ. соч. С. 102 и след.; *Андреев, Виноградов*. Указ. соч. С. VII и след.; *Байбурин, Левинтон*. Указ. соч. С. 71, которые пишут о традиционном представлении о возвращении души: «Возвращение, наоборот, мыслится как эксцесс, возвращаются «заложные» покойники, «благодарные мертвецы» (обычно это тоже «заложные» покойники, которым помогли выйти из этого состояния), иногда — предки, помогающие потомкам (опять-таки при возникновении какой-то критической ситуации)».

82 Поэтическая лениниана по случаю десятилетия со дня смерти Ленина уже не говорит о бессмертии. Она заменяет представление о воскресении Ленина пребыва-

нием на его месте Сталина: «Он с отрочества для нас был жизни лучшим обозначеньем. И вот лежал, и на хорах струна билась, невиданным горем томима... Но сквозь это безмолвие и эту печаль, сквозь тихий и траурный плач оркестра, Иосиф Сталин, друг Ильича, взошел на трибуну земли и съезда» (*Виктор Гусев*. Десятилетие. (Ленин и Сталин. С. 107)), «Бессмертье дел его пред нами наяву многомиллионным отраженьем, отражено во всем, что встало во главу всех наших подвигов, что сделало Москву центрально-мировым культурным выраженьем... в Союз, где строит жизнь героический авангард рабочей армии всемирной, где гениальный ученик, сменивший Ленина на поприще великом, ни на единый миг главою не поник и не дал дрогнуть нам пред вражьем злобным кликом» (*Демьян Бедный*. «Клянемся!» (Ленин и Сталин. С. 110)).

83 О переносе эпитета «гениальный вождь», который до сих пор употреблялся исключительно в отношении Ленина, на Сталина см.: *Dmitri Wolkogonow*. Triumph und Tragodie. Politisches Portrat des J.W. Stalin. Bd. 2. Berlin, 1990. S. 64; *Reinhard Löhmann*. Der Stalinmythos: Studien zur Sozialgeschichte des Personenkults in der Sowjetunion (1929—1935). Münster 1990. S. 305.

84 *Boris Groys*. Gesamtkunstwerk Stalin. Die gespaltene Kultur in der Sowjetunion. München, 1988. P. 75.

85 О ритуальном прощании с душой во время установки тела на катафалк см.: *Mahler*. Указ. соч. С. 87; *Alexiou*. Указ. соч. С. 39 и след.; *Андреев*, *Виноградов*. Указ. соч. С. VI и след.; *Байбурун*, *Левинтон*. Указ. соч. С. 68 след. В этнологической статье Георга Ниорадзе показано, что погребальные обряды и сопровождающие их пения в индоевропейском языковом пространстве похожи на кавказские и среднеазиатские плачи. Ниорадзе анализирует погребальные обряды кавказского народа хевсуров. Он показывает, что погребальный обряд хевсуров идентичен индоевропейскому обряду. И хевсуры знают обряд выставления тела на катафалк во время перехода души из тела в царство мертвых. После траурной процессии мертвец предается земле. (См.: *Nioradze*. Указ. соч.. С. 23 и след.).

86 См.: *Boris Groys*. Lenin und Lincoln: Zwei Gestalten des modernen Todes // *Boris Groys*. Die Erfindung Rußlands. München, 1995. S. 182.

87 О двойной функции плачей см.: *Mahler*. Op. cit. P. 48.

88 См.: *М. А. Пейсахович*. Первые песни вождю (Поэтическая лениниана 1917—1923 годов) // Вопросы русской литературы. 1970. № 1. С. 17 и след.; *Tumarkin*. Op. cit. P. 168 и след.; *Velikanova*. Op. cit. P. 30 и след.

89 О центральном месте смерти в традиционных плачах см.: *Невская*. Указ. соч.. С. 144; *Mahler*. Op. cit. P. 43 и след., где указывается на тот факт, что русские плачи меньше всего «похвальные речи мертвецу», они преимущественно оплакивают его смерть и утрату. В плачах 1930-х годов в центре стоит не столько «похвала», сколько провозглашение его смерти. Выражается это, в частности, в том, что воспоминания о Ленине вообще отсутствуют в ряде песен, состоящих из одних «плачевных» формул.

90 *Сулейман Стальский*. На смерть Ленина. (Ленин и Сталин. С. 85).

91 «Два солнца» (Творчество народов. С. 81).

92 О метафорике солнца и света как о составной части традиционных плачей, функции которых, помимо ритуализованного возвышения мертвого, состоят в описании смерти ср.: *Mahler*. Op. cit. P. 348 и след.; *Невская*. Op. cit. P. 140; *Alexiou*. Op. cit. P. 185 и след.

93 «Каменна Москва вся проплакана» (Творчество народов. С. 70).

94 «На смерть Ленина» (Ленин и Сталин. С. 155).

95 *Сулейман Стальский*. На смерть Ленина. (Ленин и Сталин. С. 85).

96 Там же. С. 17—20.

97 См.: *Alexiou*. Op. cit. P. 193 и след.

98 «Прощанье» (Творчество народов. С. 75).

99 «Плачьте, узбеки» (Ленин и Сталин. С. 20).

100 «О Ленине» (Ленин и Сталин. С. 201).

101 А. Дымшиц пишет об этом: «Если взять, например, фольклорные произведения ленинско-сталинского цикла, то мы увидим, что поэтическое сознание народов в

самых различных концах нашей страны выработало для любимых своих вождей, для мудрейших учителей и вожатых трудящегося человечества, единую систему художественных образов-сравнений. Ясный и светлый как солнце, чистый и сверкающий как огонь, смелый и благородный как орел — такими рисуются поэтическому сознанию народов величайшие народные вожди-герои» (*Дымищц*. Указ. соч.. С. 20):

102 *Соколов*. Указ. соч.. С. 524 и след.

103 О поэтической ассимиляции Ленина и Сталина см.: *Дымищц*. Указ. соч.. С. 21: «Народная поэзия, исключительно скупая на эпитеты и сравнения, дарит те или иные образы только одному определенному герою, закрепляя их за ним. И только великому Сталину поэтическое сознание народа присвоило то же прекрасное сравнение с солнцем, что и Ленину».

104 «Предисловие» (Творчество народов. С. 10 и след.).

105 Ср., например, стихотворение Адриана Вечерного, опубликованное в 1924 году: «Нет! Не умер, не умер Ленин! / Не умер, не умер Ильич, он жив! / Разлетайтесь, смертные тени! / Мы не верим проклятой лжи! / Он, безмерное бремя подявший, / он не умер, он только спит: / Отдыхает наш вождь уставший / под гранитом могильных плит» (Ленин в советской поэзии. С. 199). Или в стихотворении Владимира Маяковского «Комсомольская правда», которое было опубликовано в марте 1924 года в журнале «Молодая гвардия»: «К сведению смерти, старой карги, / гонящей в могилу, и старящей: / “Ленин” и “Смерть” — слова-враги. / “Ленин” и “Жизнь” — товарищи /.../ Ленин — жил. Ленин — жив. Ленин — будет жить. / Ленин рядом. Вот он» (Ленин в советской поэзии. С. 299).

106 О деконструкции культа Ленина к концу первой пятилетки см.: *Tumarkin*. Op. cit. P. 253 и след.; *Velikanova*. Op. cit. P. 85 и след.; *Robert S. Tucker*. The rise of Stalin's Personality cult // The American Historical Review. 1979. Vol. 84. № 2. P. 364.

107 См.: *Tumarkin*. Op. cit. P. 165 и след.; *Ennker*. Op. cit. P. 548 и след.; *Velikanova*. Op. cit. P. 46.

108 *Сулейман Стальский*. На смерть Ленина. (Ленин и Сталин. С. 86).

109 «На смерть Ленина» (Ленин и Сталин. С. 154).

110 О топике отчаяния в песнях-плачах см.: *Mahler*. Указ. соч.. С. 528 и след. Хотя ту же топик можно найти и в некоторых текстах 1920-х годов: «Только тело мы хороним: каменеет, но не стонет: как и прежде каждого клокочет, в бой зовет, сомненья точит капля крови Ильича» (*Василий Князев*. Капля крови Ильича. (Ленин в советской поэзии. С. 122)), «Подождите, это — не смерть — разве вы не слышите зова: “Тише! Плакать не смей! Товарищи, будьте организованны”» (*Вячеслав Ковалевский*. Это не смерть! (Ленин в советской поэзии. С. 132)), «И не стон, не слеза — кровавной это сок. Пусть века и века с наших щек не сотрут ее. И кто это выдумал — 6 часов, 6 часов с такими минутами!» (*Александр Ясный*. На смерть Ленина. (Ленин в советской поэзии. С. 160)).

111 Ср., например, у В. Брюсова в «На смерть Ленина»: «Пусть умер он: его заветов мы не забудем никогда!» (Ленин в советской поэзии. С. 118), у Веры Ильиной: «Прощай, наш Ленин! И на смертном ложе ты — капитан родного корабля. И пусть твой дух бессмертный им поможет — смельчакам, что встанут у руля» (Ленин в советской поэзии. С. 160), у Филиппа Шкулева: «Вождя нету... Сердце остановилось... Это для пролетариев всего света лучезарное солнце закатилось» (Ленин в советской поэзии. С. 199).

112 Ольга Великанова, указывая на воспоминания Н. Валентинова, утверждает, что уже в 1923 году состоялась встреча шести наиболее влиятельных членов Политбюро, среди которых был и Сталин, где говорилось о будущем погребении Ленина. (Великанова. Указ. соч.. С. 49 и след.).

113 См.: *Philippe Ariès*. Geschichte des Todes. Munchen, 1995 (1982). S. 19 и след.

114 Ср. здесь метафорику всемогущества, которая переходит и на тексты сталинского фольклора 1930-х годов: «Ой, бела в садочках вишня, как туман, бела, жизнь моя весенней нынче расцвела! Ой, горит играет солнце в светлых каплях рос! Этот свет и солнце Сталин нам принес. Ты поймешь, мой ненаглядный, что его тепло через горы до тебя дошло». («Много света» (Творчество народов. С. 132)), «Он — правда вселенной

и гений народной души, для нас без него померкла бы синь небосвода.» (*Джамбул Джабаев*. Песни и поэмы. М., 1938. С. 102), «Но, как солнце, взойдя, разгоняет мрак, ты пришел, и народы спасены. И сковали мы герб, и подняли мы флаг самой светлой и самой счастливой страны» (*Джамбул Джабаев*. Песня о Сталине. (Ленин и Сталин. С. 285)).

115 «По твоим заветам все исполнилось» (Творчество народов. С. 85).

116 *Сулейман Стальский*. Ленин. (Ленин и Сталин. С. 19).

117 *Сулейман Рустам*. Ленин. (Ленин и Сталин. С. 26).

118 «О Ленине» (Ленин и Сталин. С. 174).

119 Ср.: *V. Kotar, A. Melamid*. In search of religion // *Artforum*. 1980. № 5. P. 37, где авторы цитируют очевидца, рассказывавшего о всеобщей истерике во время почетного караула у гроба Ленина в Доме Союзов. Авторы замечают: «Не многие в то время верили в ленинское Воскресение, и потому смерть одного человека воспринималась как смерть вообще, смерть каждого».

120 Ср.: *Tumarkin*. Op. cit. P. 166 и след.

121 Ср. речь М. И. Калинина по случаю десятилетия Октябрьской революции, в которой он, также как и Сталин, ни единым словом не обмолвился о Ленине, и только народ оказывается здесь революционным субъектом. (*М. И. Калинин*. Десять лет СССР // *Новый мир*. 1927. № 11. С. 5—40).

122 Ср.: *Ennker*. Op. cit. P. 550.

123 См., например: «Сир наш казахский народ, в пасмурный, злой, морозный, в самый несчастный день мы превратились в бедных и беззащитных сирот» («Ленин, как снежные горы, высок» (Творчество народов. С. 76)), «Миллионам, кто в горе и бедности жил, ты к счастью прямую дорогу открыл, ты умер — и осиротела земля» (*Джамбул Джабаев*. В мавзолее Ленина. (Ленин и Сталин. С. 23)).

124 См.: *Katerina Clark*. Utopian anthropology as a context for Stalinist literature // R. C. Tucker (ed.). *Stalinism. Essays in historical interpretation*. New York, 1977. P. 182 и след.; *Clark*. *Soviet Novel*. P. 114 и след.

125 О мифологии царя-батюшки и связанной с ней концепции «наивного монархизма» в контексте культа Ленина см.: *Tumarkin*. Op. cit. P. 6—9; *M. Foucault*. *Regieren — eins spate Erfindung* // *TAZ*. 1989. 1 Mai. S. 17 и след., где показано, что форма правления, возникшая в XVI веке, восходила к идеалу семейного учреждения и противопоставляла государственное попечение, ориентированное на традиционное домохозяйство концепции власти, которая прежде всего направлена на защиту порядка.

126 О роли «носителя спасения» древнего (византийского) императора и связанного с ним нового порядка см.: *Otto Treiinger*. *Die ostromische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im hofischen Zeremoniell*. Darmstadt, 1956. S. 230 и след.

127 «Каменна Москва вся проплакана» (Творчество народов. С. 74).

128 «По твоим заветам все исполнилось» (Творчество народов. С. 86).

129 «Два сокола» (Творчество народов. С. 88).

130 «Клятва» (Творчество народов. С. 103).

131 См.: *Wolkogonow*. Op. cit. P. 108 и след.; *Isaac Deutscher*. *Stalin: Eine politische Biographie*. Berlin, 1990. S. 354 и след.; *Ennker*. Op. cit. P. 550 и след.

132 О фольклоре как об аутентичном историческом документе см.: *Соколов*. Указ. соч.. С. 515; *Дымишиц*. Указ. соч.. С. 10; *Эрлих*. Указ. соч.. С. 185.

133 См.: *Deutscher*. Op. cit. P. 351; *Wolkogonow*. Op. cit. P. 146 и след.

134 «Каменна Москва вся проплакана» (Творчество народов. С. 74).

135 «Два сокола» (Творчество народов. С. 89).

136 «Клятва» (Творчество народов. С. 103).

137 См.: *Geschichte der Kommunistischen Partei der UdSSR (Bolschewiki)*. *Kurzer Lehrgang*. S. 349, где это знание, наконец, входит в исторический дискурс официальной советской историографии.

138 Об ассимиляции культов Ленина и Сталина см.: *Löhmman*. Указ. соч.. С. 42 и след.; *James Lee Heizer*. *The cult of Stalin 1929—1939*. Lexington, 1977. P. 70 и след.

139 «Ленин, как снежные горы, высок» (Творчество народов. С. 78).

140 «По твоим заветам все исполнилось» (Творчество народов. С. 86).

141 Сулейман Рустам. Ленин. (Ленин и Сталин. С. 27).

142 О политическом кровном родстве Ленина и Сталина, которое входит вместе с мифом «большой семьи» в советскую культуру 1930-х годов и приносит с собой династическую легитимность, см.: *Clark. Soviet Novel*. P. 114 и след. О концепции Сталина как второго «я» Ленина см.: *Tucker. Op. cit.* P. 364.

143 О династическом наследии как о фикции продолжения политического и естественного тела государя см.: *Ernst H. Kantorowicz. Die zwei Korper des Konigs*. Munchen, 1994. S. 332 и след.

144 О мнимом тождестве предшественника и наследника в концепции средневековых государей см.: *Kantorowicz. Op. cit.* P. 320 и след.

145 «Незабвенному вождю» (Ленин и Сталин. С. 128).

146 «Ленин, как снежные горы, высок» (Творчество народов. С. 78).

147 «По твоим заветам все исполнилось» (Творчество народов. С. 86).

148 *Джамбул Джабаев*. В мавзолее Ленина. (Ленин и Сталин. С. 23).

149 Об избранности династически определенного наследника см.: *Treitinger. Op. cit.* P. 27 и след.; *Kantorowicz. Op. cit.* P. 332 и след.

150 *Джамбул Джабаев*. В мавзолее Ленина. (Ленин и Сталин. С. 23).

151 *Абулкасым Джукатеев*. Плач о Ленине. (Ленин и Сталин. С. 75).

152 «Ленин, как снежные горы, высок» (Творчество народов. С. 78).

153 «Умер наш Ленин» (Ленин и Сталин. С. 166).

154 Ср.: *Ernst H. Kantorowicz. Deus per naturam, Deus per gratiam. A note on medieval political theology // Ernst H. Kantorowicz. Selected studies*. New York, 1965. P. 121-137.

155 О возвышении Ленина как непогрешимого вождя и о связанной с этим новой духовной иерархии см.: *Tucker. Op. cit.* P. 353 и след.

156 Если легитимность сталинского прихода к власти долгое время оправдывалась преимущественно его статусом «идеального эсегета» произведений Ленина, то в контексте всеобщей мистификацией его личности Сталин становится не только державным государем и наследником Ленина, но и основателем нового порядка и государственного строя, что влечет за собой и создание новой системы символических ценностей. См.: *Jacques Derrida. Der mystische Grund der Autoritat*. Frankfurt/M., 1991. S. 83 и след.

157 *Джамбул Джабаев*. В мавзолее Ленина» (Ленин и Сталин. С. 23).

158 «Незабвенному вождю» (Ленин и Сталин. С. 128).

159 «Жив Ильич» (Ленин и Сталин. С. 163).

160 «По твоим заветам все исполнилось» (Творчество народов. С. 56-61).

161 *Соколов*. Указ. соч.. С. 527.

162 См.: *Miller. Op. cit.* P. 71.

163 Ср.: *Groys. Gesamtkunstwerk Stalin*. S. 76.

164 *Ханс Гюнтер*. Железная гармония // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 28.

165 О мифическом прошлом ритуального поминания мертвого см.: *Байбурин, Левинтон*. Указ. соч.. С. 71; *Alexiou. Op. cit.* P. 169 и след.; *Jan Assmann. Das kulturelle Gedachtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identitat in fruhen Hochkulturen*. Munchen, 1992. S. 61 и след.

166 «Песня советских рыбаков-корейцев о Ленине» (Ленин и Сталин. С. 175).

167 «Киргизская песня» (Ленин и Сталин. С. 195).

168 «Клятва» (Творчество народов. С. 103).

169 «Партия ведет» (Творчество народов. С. 83).

170 О непосредственном взаимоотношении смерти и памяти см.: *Stefan Goldmann. Statt Totenklage Gedachtnis. Zur Erfindung der Mnemotechnik durch Simonides von Keos // Poetica*. 1989. Bd. 21. S. 61; *Assman. Op. cit.* P. 60 и след.

171 См.: *Goldmann. Op. cit.* P. 58. О ритуальном поминании мертвого см.: *Alexiou. Op. cit.* P. 165 и след.

172 Об «абсолютном эпическом прошлом», которое не предполагает никакой коммуникации с настоящим и существует исключительно в виде предания см.: *М. Бахтин. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет*. М., 1975. С. 459 и след. О

противопоставлении прошлого и настоящего как центральном топосе традиционных плачей см.: *Alexiou*. Op. cit. P. 165 и след.

173 «По твоим заветам все исполнилось» (Творчество народов. С. 85).

174 «Не вянут красные цветы» (Творчество народов. С. 97).

175 «На площади стоит кибитка» (Творчество народов. С. 101).

176 *Джамбул Джасабаев*. В мавзолее Ленина (Ленин и Сталин. С. 23).

177 Ср. новину «Сказка о Ленине» в кн.: Новины Марфы Семеновны Крюковой. Запись, обработка и послесловие Викторина Попова. М., 1939. С. 40 и след.

178 *Марфа Крюкова*. На родине вождя // Крюкова. Указ. соч.. С. 60.

179 О жанре исторической песни см.: *А. Н. Лозанова*. Исторические песни // В. П. Адрианова-Перетц, А. М. Астахова (сост.). Русское народное поэтическое творчество. Т. 3. М.; Л., 1956. С. 299—318.

180 О жанре поминальных песен ср.: *Mahler*. Op. cit. P. 679; *Байбури, Левинтон*. Указ. соч.. С. 71.

181 Тогда как «Печник» или «Ленинская правда» превращают встречи с Лениным в легенды, которые не выходят за пределы эпического прошлого, некоторые тексты превращают его смерть в центральный топос повествования: «Он в эту зиму и умер. Я достала фотографии. На Литейном заветный портрет» («Пуговка» (Творчество народов. С. 56)), «Ждали мы его. А потом вот случилось, — получили под вечер известие: «Помер Владимир Ильич». Темно уж было... Хочет петь, а горло схватывает, и тут женщины заплакали все...» («Гость» (Творчество народов. С. 60)), «Это случилось двадцать первого января, в шесть часов пятьдесят минут: Владимира Ильича не стало в живых» («Ильич скончался» (Творчество народов. С. 68)).

182 *Miller*. Op. cit. P. 14.

183 Ср.: «За бедноту болел он сердцем, как за дитя. Свергнув царя, семь лет он вел сквозь буран страну» («Ленин, как снежные горы, высок» (Творчество народов. С. 77)), «Он насилье навек сковал, он сердца богачей сдавил, а всех людей на земле Ильич счастьем равенства наделил» («Два солнца» (Творчество народов. С. 82)), «Он другом был для бедняков, для них вздувал он пламя слов и пламя дел. Надень покров, покров беды, товарищ» (Сулейман Стальский. На смерть Ленина (Ленин и Сталин. С. 85)). О мифологической структуре воспоминания см.: *Assmann*. Op. cit. P. 52 и след.

184 Об образе мученика как центральном топосе культа Ленина 1920-х годов см.: *Ennker*. Op. cit. P. 548.

185 «По твоим заветам все исполнилось» (Творчество народов. С. 86).

186 *Сулейман Стальский*. На смерть Ленина (Ленин и Сталин. С. 85).

187 *Джамбул Джасабаев*. В мавзолее Ленина (Ленин и Сталин. С. 23).

188 О первоначальной концепции мавзолея ср.: *Velikanova*. Op. cit. P. 62 и след.; *Tumarkin*. Op. cit. P. 179 и след.; *И. Комар, А. Melamid*. Op. cit. P. 38.

189 О создании нового сакрального центра как центра абсолютной правды ср.: *Mircea Eliade*. Das Heilige und das Profane. Vom Wesen des Religiösen. Hamburg, 1957. S. 13 и след.; *Christoph Keller*. Nekropolis Moskau // *Neue Rundschau*. 1994. № 3. S. 28.

190 «На площади стоит кибитка» (Творчество народов. С. 101).

191 Ср.: *Igor Golomstock*. Totalitarian Art in the Soviet Union, the Third Reich, Fascist Italy and the People's Republic of China. London, 1990. P. 227 и след. О Москве как о новом некрополисе Советского Союза ср.: *Keller*. Op. cit. P. 33 и след.

192 Ср.: «Мы каждое слово твое бережем, для нас оно — луч, для врагов оно — гром» (*Джамбул Джасабаев*. В мавзолее Ленина. (Ленин и Сталин. С. 23)), или: «Рано ты ушел от жизни, очи светлые смежил, ты оставил нам в наследство много новых, юных сил» («Памяти Ленина» (Ленин и Сталин. С. 173)), «Будем мы жить по законам и по заветам твоим, — клятву бы ты услышал, если бы слышать мог» («Ленин, как снежные горы, высок» (Творчество народов. С. 78)).

193 «По твоим заветам все исполнилось» (Творчество народов. С. 86).

194 «Три слова» (Творчество народов. С. 92).

195 *Наири Зарьян*. Ленин (Ленин и Сталин. С. 70).

196 «Песни горных шорцев» (Ленин и Сталин. С. 165).

197 О роли партии как хранительницы ленинской правды, а также о канонизации

марксизма-ленинизма см.: *Д. Фурман*. Сталин и мы с религиозоведческой точки зрения / / Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 413 и след.; *Giuseppe Boffa*. The role of ideology // Robert V. Daniels (ed.). The Stalin's revolution. Lexington-Toronto, 1990. P. 53 и след. 198 *Tucker*. Указ. соч.. С. 349 и след.

199 См: Ленин в русской народной сказке и восточной легенде / Сост. А. В. Пясковский. М., 1930; *Софья Федорченко*. Народ на войне. Книга третья. Гражданская война // Литературное наследство: Из истории советской литературы 1920—1930-х годов. М., 1983. С. 145; *Tumarkin*. Op. cit. P. 91; ; *M. Yampolsky*. Political leaders in Soviet culture // *Elementa*. 1993. Vol. 105. № 1. P. 105.

200 См. каталог метафор, составленный Юрием Соколовым якобы из фольклорных текстов, но который, скорее, может рассматриваться как своего рода предписание для сочинения новых ленинских «фольклорных» текстов в 1930-е годы. (*Соколов*. Указ. соч.. С. 521—527).

201 О запрете на публикации см.: *Velikanova*. Op. cit. P. 125; *Николай Асеев*. Тема — Ленин // Вопросы литературы. 1980. № 4. С. 231—237.

202 *Эрлих*. Указ. соч.. С. 186. См. также: *Соколов*. Указ. соч.. С. 519; *Дымшиц*. Указ. соч.. С. 27: «Представление о Ленине в народном эпосе всегда может быть выражено словами: народный герой, борец за дело бедноты. Вначале это представление художественно реализуется на фоне традиционно-легендарного сюжета с примесью мифологических черт, но в дальнейшем мы видим, что сюжет легенд о Ленине обрастает реалистическими мотивами, а религиозные примеси отсеиваются. Происходит, следовательно, не растворение ленинской темы в традициях мифологической легенды, а реалистическое перерождение жанра, с устранением из него его прежней основы».

203 *Эрлих*. Указ. соч.. С. 186.

204 Ср.: «В советской поэзии Ленину посвящено много стихотворений. Но если в прозе мы имеем высокоценные воспоминания о великом вожде М. Горького, то приходится признать, что ни один из наших поэтов не смог дать образ Ильича, во всей многосторонности его как вождя и человека. Почти все поэты ограничиваются главным образом выражением своего отношения к памяти великого Ленина». (*В. Щербина*. Поэмы о Ленине // Октябрь. 1938. № 1. С. 96).

205 Ср.: «Маяковский вместе со всем советским народом тяжело переживал утрату, понесенную всем трудящимся человечеством. И величайшая заслуга Маяковского в том, что он сумел с огромной силой отразить это народное горе. Значение поэмы «Ленин» в том, что она отражает великую скорбь советского народа, вызванную смертью Ильича, стремление народа продолжать ленинское дело» (*Щербина*. Указ. соч. С. 96).

206 Второе издание (1931) брошюры Горького «Владимир Ильич Ленин» (первое издание вышло в 1924 году) уже заканчивалось не предложением «Владимир Ленин умер. Наследники разума и воли его — живы», но: «Живы и работают так успешно, как никто, никогда, нигде в мире не работал» (*Максим Горький*. Полн. собр. соч.: Худож. произведения в 25 т. Т. 20. М., 1974. С. 49, 532).